

ДОМ, В КОТОРОМ ГОРИТ СВЕТ

ЕСТЬ ТАКОЕ СЧАСТЬЕ: ТЫ И ТВОЯ ЖИЗНЬ.
ЭТО НЕ ПОВТОРИТСЯ.

Эльчин
Садрарли

Annotation

«...я вижу в этих словах истину – они о настоящей любви, о любви на всю жизнь, о том, что такая любовь существует. И чтобы ее найти, не надо никуда ехать, достаточно повернуть ключ в замке: обнимать крепко-крепко, радоваться тому, что встречаешь в новом дне, и уметь находить покой. Словно сидишь возле июльского моря с закрытыми глазами, но с открытым сердцем. Когда ты встретишь и узнаешь себя, ты встретишь и узнаешь того, с кем захочется спеть любимые песни и заварить не одну чашку кофе».

- [Эльчин Сафарли](#)

-
-
- [1. Вспомни о том, как она прекрасна, жизнь](#)
- [2. У нас с тобой единые маяки](#)
- [3. Выйди из клетки надуманных страхов](#)
- [4. Продолжай делать то, во что вкладываешь любовь](#)
- [5. Где много любви, там много ошибок](#)
- [6. Когда любишь, ты в ладонях Бога](#)
- [7. Хочу быть к тебе ближе](#)
- [8. У тебя достаточно мужества, чтобы начать сначала](#)
- [9. И сделать мир хотя бы чуточку лучше](#)
- [10. Жизнь открывает ладони, показывает сокровища](#)
- [11. Слушай сердце, в нем карты главных маршрутов](#)
- [12. Пусть свет в твоих глазах не угасает](#)
- [13. Немного солнечного мая – и, тоненький бисквит ломая, тончайших пальцев белизна](#)
- [14. Твоя мечта обязательно сбудется](#)
- [15. Плыви из привычной гавани к новым берегам](#)
- [16. Не бойся, ты не одна](#)
- [17. Я вся – как запущенный сад](#)
- [18. Счастья и мира тебе в новом доме](#)
- [19. У моря всегда хорошо](#)
- [20. Нет такой любви, которая не стала бы помощью](#)
- [21. Мы тут, мы живем, чувствуем. И это главное](#)
- [22. Как бы я хотела, чтобы ты был с нами](#)

- [23. Позволь людям быть собой, а не тобой](#)
- [24. Для счастья не нужно спешить, обгонять, отвоевывать](#)
- [25. Я смогла выстоять, пусть и на одной ноге](#)
- [26. Я любила всем сердцем, без оглядки, почти на грани](#)
- [27. Найти счастье в себе – вот в чем задача](#)
- [28. Все, от чего мы страдаем, исчезает в объятиях любящих людей](#)
- [29. Тебе не холодно?](#)
- [30. Надо жить у моря](#)
- [31. Сил тебе, терпения и горячего сердца](#)
- [32. Быстрее бы домой, к «своим»](#)
- [33. Живи сердцем](#)
- [34. Твори, моя девочка, не бойся](#)
- [35. Счастливые люди танцуют](#)
- [36. Хочу, чтобы мы всегда были вместе](#)
- [37. Любить. И нет ничего лучше](#)
- [38. Человек жив, пока он мечтает](#)
- [39. Пусть от твоего взора не ускользает красота мира](#)
- [40. Продолжай находить возможности для любви](#)
- [41. Каждый видит жизнь со своего берега](#)
- [42. Надо преодолеть тяжелый отрезок, дальше – весна](#)
- [43. Проживай момент, впивай его, благодари](#)
- [44. Куда они летят? На юг!](#)
- [45. В эти счастливые дни очень не хватает тебя](#)
- [46. Хочется остаться тут навсегда](#)
- [47. Это наша счастливая жизнь](#)
- [48. Ты та, кто идет к мечте через страхи](#)
- [49. Даже если счастье о тебе забыло, ты о нем не забывай](#)
- [50. Посылаю воздушные поцелуи всем, кого люблю](#)
- [Эпилог](#)
- [Музыка, прозвучавшая в этой истории](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)

- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)

Эльчин Сафарли

Дом, в котором горит свет

© Сафарли Э., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

*Моей бабушке Анне
Павловне Смирновой*

*Я ищу того, кто
похож на окно,
распахнутое на море.*

*Антуан де Сент-
Экзюпери. Цитадель*

*Ни один человек не
в состоянии жить без
корней – корней в
крохотном оазисе среди
пустыни, в красной
глиняной земле, на
горном скате, на
каменистом берегу, на
городской улице.*

*В черный суглинок,
в болото, в песок, в
камень, в асфальт или в
ковёр каждый человек
глубоко пускает корни
для того, чтобы
называть это место
своим домом.*

*Курт Воннегут.
Механическое пианино*

1. Вспомни о том, как она прекрасна, ЖИЗНЬ

Флора,

я приехала в город с морем. Путь выдался нелегкий, длиной в полжизни. Случались дни, когда я думала, что уже не доберусь или, еще хуже, что ехать бессмысленно, – как же без них. Мы инстинктивно избегаем боли, но страдание может стать началом счастья.

Я тут. В доме с большим окном. Сижу возле него, смотрю на воду, пишу тебе. Долго искала место, где начну писать тебе письма. Однажды они окажутся у тебя, хочу надеяться, ты прочтешь их и поднимешь бокал. «A la vie!»^[1]

Флора, не погружайся в проблемы и тревоги глубоко, они будут всегда, лучше приготовь вкусной еды, пригласи близких и вместе вспомните о том, как она восхитительна, la vie. Местами жесткая, горькая, но все равно прекрасная.

Знаешь, что я привезла с собой сюда? Много любви, чуть больше воспоминаний, немного боли и банки брусничного джема. Моего любимого. С десяти лет его варю.

В саду дома моего детства брусника росла вдоль длинного забора. Сначала я встречала ее только в лесу, потом дедушка привез саженцы, рассадил на заднем дворе, недалеко от канала. Маленькой девочкой я боялась туда заглядывать. Там жил страшила, прибежавший из оврагов северного мыса. Я придумала ему имя, Чернушка, и историю: как он поселился в зарослях шипастых кустов, как там стало темно, влажно, как ни одно из растений не цвело.

Чернушка кидался колючками, разгонял бабочек, пчел и всех, кто отваживался заглянуть за дом. Кроме деда. Стоило ему появиться, как Чернушка становился невидимым.

Дедушка посадил бруснику, кусты быстро разрослись, обросли сочно-зелеными листьями, со временем вспыхнули красными плодами. Задний двор изменился. Сначала там зажужжали шмели, потом запорхали бабочки и мелкие птицы. Темных цветов становилось все меньше. Чернушка не выдержал обилия красок и в ночь августовского полнолуния убежал в лес. А задняя часть сада стала моим любимым местом.

Часы напролет я сидела у зарослей брусники, пела им песни. «Я старая Сова, живу я на дубу. / Чем больше вижу я, тем меньше говорю! Чем меньше говорю, тем больше голова. / Ах, ну зачем Сове ненужные слова?»^[2] Мне казалось, что бруснике нравились мои песенки, поэтому она одаривала нас вкусными плодами. Сырыми их много не съешь, но джем из них получался – пальцы проглотишь. Бабушка варила его в чугунной кастрюле.

Брусничный джем – вкус детства. Всю жизнь пыталась сохранить его в себе, не растерять.

Девочка моя, мы состоим из тех вкусов, запахов и цветов, которые в себя впускаем. Внимательно выбирай то, чем себя питаешь.

Ладно, пошла мыть окно, оно в мутных следах вчерашнего шторма. Еще напишу.

Люблю,
Ани

2. У нас с тобой единые маяки

Флора,

знай, у тебя сверхкоммуникабельная бабушка! Вторую неделю тут – и уже нашла друзей. Хотя, когда ехала сюда, у меня был другой план: наслаждаться уединением, записывать настроения моря, варить джемы и делиться с тобой мыслями. За свои семьдесят два я встретила много разных людей и собиралась поразмышлять об этом бесценном опыте, а не продолжать его. Но не зря же говорят: плох тот план, который нельзя изменить. Ну да ладно...

Хочу познакомить тебя с Нейметом и Нелли. Они муж и жена, почти мои одногодки, чуткие люди щедрой земли.

Вечерами ходим друг к другу в гости, пьем лавандовый кофе (девочка моя, попробуй: перетертые в ступе цветы лаванды смешай с молотой робустой, завари), поем Джо Дассена (у нас одинаковая любовь к песне «Quand on sera deux»^[3], и ты послушай! «Когда мы будем жить вместе, я тебе построю дом. / Его окна будут выходить на горизонт»), говорим о радостях и тревогах. Будто знаем друг друга десятки лет, будто вместе объездили мир, встречая тысячи приливов и провожая столько же отливов.

Флора, у родственных душ одни и те же маяки.

Вчера Неймет с Нелли принесли мне запеченную на углях кукурузу, натертую морской солью с чесноком и оливковым маслом. Вкусно! «Это то, что осталось от урожая, Ани. Решили приготовить и угостить соседей. Для продажи, если жизнь позволит, будет уже в следующем году». Много лет Неймет выращивает кукурузу, Нелли помогает.

В этом году город окутал изнуряющий зной. Стояла такая жара, что кукурузные поля Неймета невозможно было спасти. Выгорели.

Они сидят передо мной, рассказывают о потерях без горечи в голосе. «Такое за все годы впервые. Столько лет нас кормила эта земля, спасибо ей. Вырастили детей, дом построили. В этот раз не сложилось, пытались больше поливать, все равно выгорела. Значит, так и должно было».

Девочка моя, счастье не в том, чтобы все получалось. Как бы ни обернулось, главное – суметь извлечь из случившегося урок: один придет к какому-то выводу, другой чему-то научится, а кто-то возьмет и отпустит. Люди часто слишком серьезны, усложняют, закикливаются, вместо того чтобы принять, выдохнуть и двинуться дальше. Еще напишу.

Люблю,
Ани

3. Выйди из клетки надуманных страхов

Флора,

твоя бабушка с сегодняшнего дня приступила к поискам работы. Время летит незаметно, вот уже месяц, как тут, а аренда дома оплачена за два, надо поторопиться. Этот поиск не страшит – начинается новое. Значит, жизнь что-то хочет мне рассказать.

Кто-то воспринимает точку в конце последнего предложения как финал. Для меня точка – начало других, новых историй. Пока они тебе интересны, ты живешь.

Мой пятидесятилетний стаж бухгалтера тут не пригодится, да и подустала от цифр. Сейчас больше всего мне нравится наблюдать за морем, писать письма и варить джемы. Поэтому займусь-ка я тем, что доставляет удовольствие. Варить джемы под песни моря – что может быть прекраснее? Я равнодушна к вареньям и без ума от джемов. Ты спросишь, почему?

В джеме не обязателен один вид фруктов или ягод, можно сочетать разные (яблочно-сливовый или клубнично-вишневый – фавориты!); джем для разного годится – хочешь, намазывай на хлеб, начиняй пирожные, пироги. А еще джем, в отличие от варенья, можно готовить из слегка недозревших плодов. Кстати, перезревшие или мятые ягоды в джем нельзя, он потеряет блеск и жележность.

Нелли провела аналогию: джем, в котором ягоды при варке полностью развариваются, напоминает ей женскую природу. «Мы так же растворяемся в мужчинах. К сожалению». Я промолчала, продолжая нарезать айву для своего первого сваренного тут джема. Слова подружки – итог, вынесенный из ее опыта. В моей истории такого нет. Я любила уверенно, смело. Чувство, делавшее только лучше.

Внутри меня всегда существовало незримое пространство – комната с видом на море, куда я возвращалась к себе. Там были уединение, тишина, соленый запах моря из форточки, закипающий брусничный джем на плите и мысли о близких людях. Комната эта была не местом побега – жизненно важным узлом, где переплетались любовь и свобода.

Девочка моя, как же важно выйти из клетки в голове (с кучей надуманных страхов), увидеть, как прекрасна жизнь (и впредь не позволять себе думать иначе). Неповторимая, с лазоревым небом, с росой на листьях, со встречами и разлуками.

Простить себя за сбившийся вектор, извлечь опыт, влюбиться сильнее прежнего. И не расставаться с этим божественным чувством – любовью к новому дню. Еще напишу.

Люблю,
Ани

4. Продолжай делать то, во что вкладываешь любовь

Флора,

раскладываю остывший айвовый джем по банкам – янтарный цвет, аромат на весь дом, вкус бархатистый, совсем не вяжущий. Надеюсь, те, кто его купит, станут чуть счастливее, хотя бы на время завтрака, когда будут намазывать джем на теплый хлеб с маслом.

Увы, хоть я и разменяла восьмой десяток, во мне не утихает голос внутреннего критика. Этот критик утверждает: то, что ты делаешь, обычное, безвкусное и мало кому понравится, нет в тебе таланта, и вообще смирись с собственной никчемностью.

Да, девочка моя, голос критика по-прежнему громок и так же безжалостен, как тридцать лет назад. Он может звучать всю жизнь, ничем не заглушишь. Как с ним справиться? Выслушать и продолжать делать то, во что вкладываешь любовь.

Никто не сможет определить талант, кроме времени. Путь у каждого особенный: когда создаешь что-то, для себя важное (что не создавать попросту не можешь), помни, что нет такого второго, как ты. Помни это и будь здесь и сейчас. А голос критика пусть станет твоим азартом – доказать, что сможешь, что получится.

Флора, талант без труда ничего не стоит. Как же много тех, кто винит окружающих в своих бедах вместо того, чтобы учиться, совершенствоваться. Работай – и тогда обязательно будет результат. На этом нелегком пути хочу пожелать тебе душевного спокойствия. Мы становимся жертвами депрессий потому, что стремимся быть идеальными. В побеге за придуманным образом не успеваем наслаждаться моментом, а жизнь и есть моменты. В них самый ее сок.

Завтра отвезу банки с джемом в лавку на улице Выцветших Портретов. Там пахнет индийской едой – пестрый аромат, смешавшийся с мягким запахом цветущих деревьев. Часто прихожу сюда, сажусь на голубую скамейку, закуриваю сигарету (позволяю себе одну в день) и вновь убеждаюсь в том, что самое важное всегда тихое, неспешное.

Торговец Густав (в его лавку ходит весь город; нас познакомил Неймет) принял мое предложение без энтузиазма. «У нас своих джемов хватает. Чем твой лучше? Ладно, принеси, выставлю твои банки в

воскресенье, вдруг кто и купит». Верю, что все получится.

Люди и ситуации – наши учителя, Флора. Главное – что ты сделаешь, как отреагируешь: уйдешь или останешься, поможешь или упрекнешь. Каким ты видишь мир, таков мир и в тебе. Еще напишу.

Люблю,
Ани

5. Где много любви, там много ошибок

Флора,

за два квартала от моего дома стоит католическая церковь, в которую хожу по средам. Там думаю о совершенных ошибках. Они всегда со мной. Не верю, когда говорят «я себя простил». Такое невозможно.

Я признаю свое право на ошибки, но последствия совершенных поступков, произнесенных слов, неделанного и нескazanного живут во мне бесконечным сожалением. Не прошу Бога о прощении. Стою перед ним и вижу свет, помогающий справиться с болью.

Сегодня на доске объявлений в притворе я увидела слова, которые хочу передать тебе. «Где много любви, там много ошибок. Где нет любви, там все ошибка». Девочка моя, я встретила с этой мыслью, и мне стало легче. Мудрость и опыт вырастают из сомнений – вряд ли у кого-то иначе.

По дороге из церкви захожу на рынок. В городе веет осенью: ветер с моря стал прохладнее, на прилавках больше яблок, утром часто туманно, ночами – грозы. Покупаю дыню, буду варить из нее джем. Твоя мама любила мой дынный джем с имбирем, особенно зимним утром, на булочке – своим солнечным цветом и душистым вкусом он возвращал в лето. Я учила Сару его варить. Она помнит рецепт? Спроси у нее.

Главное в выборе дыни – аромат. Он должен быть манящим. Это значит, что фрукт спелый (такая дыня быстро пустит сок, когда засыплешь сахар). Варить дынный джем надо в три приема. Лимонную цедру и тертый имбирь добавляй после второго закипания.

Из шести килограммов очищенной и нарезанной дыни сварю двенадцать баночек джема. Пять отправлю на продажу, шесть раздам соседям и одну, самую большую, приберегу для тебя, моя девочка. Жду дня, когда ты приедешь и я напеку тебе лепешек. Будем есть их с дынным джемом.

Сию перед столом – тарелка с черным виноградом, книга Хикмета, бумага, ручка. Варить кофе не стала, скоро спать. К вечеру море потемнело, появились волны, резкие, порывистые. Приближается циклон. В любом случае утром выйду к берегу. А пока разок вскипятила кусочки дыни и наслаждаюсь тишиной дома.

Флора, мне хорошо здесь (и тебе понравится). Я счастлива, что не побоялась оставить город, где родилась, выросла; что уехала в незнакомую

страну. Хотя не совсем и чужую – тут море, давнишний друг.

Человек имеет право выбирать место жизни так же, как одежду, парфюм, профессию. Нельзя быть там, где плохо. Если неуютно, больно, надо сорваться с насиженного места, выбежать на берег и нырнуть в океан. Единственное условие – любовь. Все остальное – отговорки. Еще напишу.

Люблю,
Ани

6. Когда любишь, ты в ладонях Бога

Флора,

сегодня твоему дедушке исполнилось бы семьдесят шесть. Хочу верить, что его душа обрела покой.

Я оставила Франка, когда твоей маме исполнилось шестнадцать. В то время я уже как неделю встречалась с другим мужчиной. Скрывала, не хватало смелости признаться. Набралась мужества – и все изменилось.

Я ушла, спустя год Франка не стало – повесился. В день похорон Сара сказала: «Ты убила нас всех». На следующий день она ушла; много лет ищу ее.

* * *

Когда мне горько, готовлю джемы. Это то, что лечит. Вот что я заметила, Флора: в обычные дни я варю джемы по классическим рецептам, в сложные – добавляю в них цветы. Сегодня готовлю любимый джем Франка, инжирный. Нелли подарила мешочек лавандовых цветов, в этот раз они украсят вкус джема. Флора, еще в Древнем Риме настоем из лаванды снимали беспокойство, умирляли дух гнева.

Инжирно-лавандовый джем хорош как угощение к чаю, как начинка для выпечки, а еще как аккомпанемент к сыру.

Нарезаю инжир на мелкие кусочки, закидываю в чугунную кастрюлю (она, чертовка, с характером, не все благополучно готовит, но инжир обожает, варит безупречно). Сбрызгиваю лимоном, засыпаю сахаром, цветами лаванды, для густоты добавляю яблочного пектина. Перемешиваю, откладываю в сторону. Пусть инжир пустит сок, потом доведу до кипения и стану варить на небольшом огне.

* * *

Девочка моя, каждый человек живет со своей трагедией. И каждый справляется с ней как может: кто-то работает сутками до самозабвения;

кто-то пытается убежать от прошлого, и города мелькают, как в калейдоскопе. А кто-то варит джемы, живя под гнетом невозможности встречи с тем, кому сделал больно.

Все эти годы мне так хотелось встретиться с Сарой. Обнять, попросить разрешения быть рядом. Не получилось. Спустя годы я встретила вас в метро. Тебе было лет восемь (ты так похожа на Франка). Увидела, как вы садились в вагон, не успела добежать...

Я вас жду. И буду ждать, пока живу.

Не пытаюсь оправдаться. Но хочу, чтобы ты знала, Флора: я любила всем своим существом, хотела быть честной, поэтому и ушла. Моим решением управляли не страсть или самообман – любовь, и ничего больше. Его звали Борис. Мы прожили вместе много лет. Лучшие годы жизни, несмотря на боль, так и не давшую вдохнуть счастье полной грудью.

Три года назад Борис ушел из жизни, тихо, во сне. Благодаря ему я узнала, что любовь – это быть в ладонях Бога. Любовь – как услышанная молитва, в которой нет слов, только море. Еще напишу.

Люблю,
Ани

7. Хочу быть к тебе ближе

Флора,

мечтаю, чтобы вы были рядом. Чтобы увидели этот магический город: как стаи чаек провожают рыбацкие лодки; как всплывает рассвет в дом, где все еще пахнет молотым кардамоном. Чтобы ты почувствовала, как хорош полуденный сон в морской прохладе и как прекрасно жить не спеша. Чтобы ты прочла слова на витрине букинистического магазинчика, мимо которого иду на рынок. «Самое лучшее море: то, где еще не плавал. / Самый лучший ребенок: тот, что еще не вырос. / Самые лучшие дни нашей жизни: те, что еще не прожиты. / И самое прекрасное из сказанных тебе слов: то, что я еще скажу»^[4].

Мне хочется быть рядом. Видеть, как ты смотришь на волны и кричишь мне сквозь шум ветра: «Они все разные! Не похожие друг на друга». Различать в тебе свои черты и стараться быть ближе. Не наставлять (прости, если в письмах иногда скатываюсь в морализаторство), а разговаривать. Попытаться наверстать хотя бы часть упущенного.

А еще хочется передать тебе рецепты.

Мы все обязательно встретимся. И меня не покидает предчувствие, что именно в этом городе. Не зря я решила приехать именно сюда. Случайностей не бывает.

Флора, я узнаю здешние улицы с закрытыми глазами. У каждой из них – свой запах. На одной слышен аромат свеженарезанного шпината, на другой – сахарной пудры, которой посыпают горячие пе-де-нонн^[5]; в кварталах ближе к морю пахнет рыбными потрохами вперемешку с запахом погибающих на побережье медуз; вдоль ведущей в центр дороги – пожелтевшими книгами, жареными кофейными зернами и парфюмом мужчин, приезжающих в бордель «Сомкнутые глаза».

И все-таки у каждого города есть единственный аромат, незримо присутствующий в воспоминаниях. Город, где родились, выросли я и твоя мама, пах тоской брошенного ребенка о любви. Но это на мой взгляд, Флора. То, что мы говорим о городе, его характере и атмосфере, сообщает о нашем внутреннем состоянии.

Девочка моя, если бы я была городом, то Парижем. А ты? Еще напишу.

Люблю,

Ани

8. У тебя достаточно мужества, чтобы начать сначала

Флора,

надеюсь, перед тем как открыть это письмо, ты поела. Оно о вкусном.

В смесь из растопленного масла, муки и соли Нелли вмешивает яйца. Звучно разбивает их о край фарфоровой миски. Перемешивает и одновременно подпевает Морису Шевалье из магнитолы. «И, несмотря на глубокую темень, / Его блеск не может быть омрачен. / Париж всегда останется Парижем!»^[6] Подруга семь лет прожила в Лилле («Ох, Ани, милая, какая там говядина в соусе из темного пива и коричневого сахара! Ради нее одной советую туда съездить!») и именно там постигла l'art de vivre – искусство получать удовольствие каждый день от каждой мелочи.

«Там я научилась просто наблюдать за тем хорошим, что происходит в течение дня, – будь то возможность обнять любимого человека, попробовать вкусную еду или взять в руки новые туфли».

Утром собрались приготовить пе-де-нонны (вспоминала о них в прошлом письме, девочка моя). Захотелось приготовить их самой, искала рецепт, поделилась идеей с Нелли, а она, оказывается, частенько балует ими мужа. И вот мы уже колдуем на кухне: окно распахнуто, чайки слетают на подоконник, попрошайничают.

«Тесто получится жидковатым и должно стекать с ложки крупными каплями. Поэтому не переусердствуй с яйцами: по четыре на каждые сто двадцать пять граммов муки и восемьдесят граммов сливочного масла. И с водой будь внимательна, мне хватает стакана».

Готовое тесто Нелли кладет в кондитерский мешок, шариками выдавливает в кастрюлю, в кипящее масло. «Некоторые хозяйки, увидев, что пышки подрумянились, решают, что они готовы. А они в середине сырые. Нужно дождаться момента, когда обжаренная корочка слегка прорвется; именно после этого пышки разбухают и идеально прожариваются внутри».

Готовые пе-де-нонны посыпаем сахарной пудрой и чуть-чуть – молотой корицей.

* * *

– Ани, в Лилле я избавилась от того, что связывало крылья, утяжеляло. Безусловно, куда мы бы ни уехали, всегда забираем туда себя, но от среды многое зависит. Мне было двадцать четыре: сумбур в голове, сбитые ориентиры. Не знала, куда двигаться дальше. Вдруг приятельница, вышедшая замуж в Лилль, просит помочь ей с малышом. Я и уехала...

– Переломный момент, когда думаешь, что это конец, а на самом деле начало.

– Ага. И начинается то, о чем не думал. Часто именно неизвестное помогает обрести себя.

– Да уж, мир не подчиняется логике, Нелли. Хотя так хочется владеть ситуацией...

– Глупая затея. В жизни бывает и грустно, и весело, надо принимать всё – разноцветные карандаши Вселенной! Перемены – это шанс стать счастливее. А мы всеми силами им противостояем, выбираем теплое болото, известное до стебля каждого камыша. Как хорошо, что мы с тобой не испугались перемен и вот сейчас тут, вместе, посыпаем пышки пудрой.

– Помнишь у Фицджеральда? «Надеюсь, ты живешь той жизнью, которую заслуживаешь. Если же нет, я надеюсь, у тебя достаточно мужества, чтобы начать сначала».

– А еще, попав в кризис, человек понимает, как важно прощать, не заикливаться на плохом и быть благодарным. Но как только ему становится лучше, возвращается к заблуждениям.

– Ага! Есть даже анекдот на эту тему. Выпал человек из окна, летит и молится: «Господи, если выживу, пойду в монастырь, стану хорошим человеком». Приземляется, остается жив и про себя думает: «Какой только бред в голову не ползет!» И так – большинство. Может, и мы с тобой тоже.

– Может... Ладно, хватит на сегодня философий. Пойдем-ка лучше к морю.

Любим тебя,
Ани и Нелли

9. И сделать мир хотя бы чуточку лучше

Флора,

сегодняшнее утро началось с воспоминания. Красивого, счастливого и одновременно горького. Как всегда, проснулась в семь сорок пять, распахнула окно, поздоровалась с морем и включила магнитола. Даниэль Дарье поет «Petite fleur»^[7]. Наша с Франком песня.

Мы впервые услышали ее в кафе на свидании – дождливый октябрь, первое попавшееся заведение на Нижнем проспекте, полупустой зал с желтыми стенами, разбухшие от влажности газеты на полке у входа, круглый столик с тремя стульями (один из них занят спящим рыже-белым котом), невкусные булочки с изюмом, но отменный кофе и звучащая фоном «Petite fleur». И мы, влюбленные и сумасбродные жители шумного города, мечтающие жить у моря.

А еще нам хотелось любить чаще и сильнее, научиться танцевать танго, добраться до заснеженного Гальштата (веселый городок: там есть обычай каждые десять лет выкапывать мертвецов, чтобы освободить место на кладбище, останки расписывают и выставляют в местной часовне), построить дом с видом на воду и сделать мир вокруг хотя бы немного лучше.

Под «Petite fleur» мы танцевали на нашей свадьбе, с закрытыми глазами, в белых одеждах и с громко (нам так казалось) бьющимися сердцами; мы пели ее в машине по дороге к морю, а южный ветер из окон сбивал с ритма; под нее мы накрывали в нашей крошечной квартирке длиннющий стол от прихожей до балкона, это был первый день рождения твоей мамы, по телевизору показывали парад в честь Дня взятия Бастилии^[8], наш пудель Чаки облаивал колыхавшиеся от ветерка края белых скатертей, а я делала сангрию из белого вина и напевала заученное наизусть: «Ты со мной! / Позабыть я не смог / Тебя, маленький цветок, / Навек родной»^[9].

Это были прекрасные дни.

* * *

Девочка моя, честность – понятие относительное: то, что для одного правда, для другого может быть ложью. Но в любых отношениях (с собой, прежде всего) я стараюсь не обманывать.

Встретила другого – и призналась Франку. Мы прожили с ним немало счастливых лет. Но жизнь открыла мне другую дверь. Там ждал мир, поначалу показавшийся странным, безрассудным... Многие вещи не нуждаются в полном понимании; их нужно чувствовать.

Я испугалась этого чувства, потом попыталась заглушить, в итоге оно стало больше меня – и я решила нырнуть в глубину моря, оставив на берегу мысли, что могу утонуть.

Однажды в книге, забытой кем-то в поезде, я встретила строки Хикмета (уже о нем вспоминала). «Ведь если я гореть не буду... и если ты гореть не будешь... и если мы гореть не будем... так кто же здесь рассеет тьму?»^[10]

Флора, я позволила себе гореть в любви. Да, меня осудили, я потеряла дорогих сердцу людей. Хотя меня до сих пор и мучает чувство вины, я понимаю, что тогда иначе поступить не могла. Еще напишу.

Люблю,
Ани

10. Жизнь открывает ладони, показывает сокровища

Флора,

прости за настроение последних писем. С прошлым у меня сложные отношения. Мучаю себя попытками вписать произошедшее в свою идеальную картину мира (эта идеальная картина больше мешает, чем вдохновляет, будь осторожна, девочка моя). Не получается, и тогда джем на плите подгорает.

Ну ладно, не хочу о грустном, тем более, я с четверга тебе не писала. Поделюсь тем хорошим, что случилось за эти дни.

Рассветы – все больше в них влюбляюсь. Они возвращают надежду. Именно на рассвете жизнь открывает ладони, показывает сокровища. И отдаляешься от тяжелых мыслей, которые ночью мешали спать.

Ох, Флора, будь осторожна с мыслями. Не лелей тяжелое и злое – подобное быстро приживается. Дедушка мне постоянно напоминал: «Ани, мозг подобен саду: не будешь выпалывать дурные мысли – не вырастишь мечту».

Просыпаюсь на рассвете, здороваюсь с морем (оно никогда не бывает таким, как вчера), завариваю кофе, выхожу к берегу. Впитываю первые мгновения нового дня: щелчок хлопнувшей за мной входной двери (смазала замок топленным маслом, больше не скрипит), цвет песка под ногами (отражает оттенки неба), далекий смех рыбаков (хочется верить, что они друзья, а не враги морей).

Достаю из кармана пакет с кусочками вчерашнего хлеба, кормлю чаек. Мигом слетаются, орут, уже узнают меня.

Возвращаюсь домой другая, не та, что проснулась утром. Спокойнее, с верой в скорую встречу. Включаю радио, там утренняя передача – песни моей молодости. Жак Брель поет «Madeleine»^[11]: «Мадлен – это мой горизонт, / Это моя собственная Америка. / Она слишком хороша для меня, / Как говорит ее кузен Гастон»^[12]. Вспомнила день, когда мы познакомили твою маму с морем.

Это было двадцать пятое марта, Саре только исполнилось пять, и мы с Франком ждали солнца, чтобы отвезти ребенка к морю. Наконец в

субботный день выглянуло робкое солнце, и мы двинулись к морю. Ехать было восемь часов. В пути уплетали кунжутные бублики, обсыпав золотистыми семенами весь салон (я так и не научилась есть эти бублики аккуратно, мне кажется, это невозможно и... неинтересно).

Когда Сара увидела «столько воды», она подбежала к самым волнам. Ее желтая шляпка сползала на глаза. Села на корточки, протянула ручки, чтобы притронуться к воде. Я придерживала ее за плечи, чтобы она не упала...

На обратной дороге Сара придумала сказку о старушке, которая жила одна в домике у моря, варила варенье и подолгу смотрела на море. «Она ждала, когда приплывут ее детки и съедят вкусное варенье».

Твоя мама так и не окончила сказку, заснула у меня на руках, которые все еще пахли кунжутом. Еще напишу.

Люблю,
Ани

11. Слушай сердце, в нем карты главных маршрутов

Флора,

твоей маме было, наверное, лет четырнадцать, когда она спросила меня о любви. Я видела, как Сара волнуется, слышала, как дрожит ее голос (то ли от лавины вопросов, то ли от внутреннего протеста), как через поиски, сомнения и желания она узнает себя. «Везде пишут, как важно дождаться “своего” человека. Мам, откуда взялась идея, что есть та или тот единственный человек, с которым возникнут особые связь и понимание? Ты в это веришь? И не мучительно ли ожидание, если не уверен в том, что оно не напрасно?»

Я смотрела на эту девочку (как же она напоминала меня!), ее каштановые локоны, тонкие запястья, и мне хотелось укрыть ее от всех будущих неприятностей, отгородить от разочарований в себе, людях, стремлениях. И о любви мне хотелось рассказать, но я не могла: у каждого свой путь к любви. Единственное, что смогла ей сказать: слушай сердце, в нем карты главных маршрутов.

Девочка моя, с тех пор прошло много лет. Сегодня я готова и тебе сказать то же самое.

Сиюю на пирсе: запах мокрого дерева, брызги волн, солнце греет лицо. Где-то недалеко, кажется, на площади Поступков Влюбленного, уличные музыканты отбивают латиноамериканский ритм. Внутри меня тишина, из которой не хочется выходить. Светлая тишина. В ногах – холщовая сумка: сыр, яблоки, хлеб.

Пишу письмо, подложив под бумагу книгу Хикмета. Открываю наугад. Страница сто семьдесят четыре. «Люблю тебя, как хлеб, что в соль макаю, / Как жажду свою рано поутру, когда я жадно к крану припадаю, как будто без воды сейчас умру, / Как радость ожидания от чуда, когда посылку раскрываю я, что прислана неведомо откуда и неизвестно кем в мои края»^[13].

Флора, женщина всегда хочет верить в «раз и навсегда». У кого-то так и складывается. Но чаще жизнь учит не привязываться, не зарекаться и продолжать идти дальше, навстречу новому, неизвестному. И урок этот – прежде всего урок честности с собой. Кому-то удобнее мучиться там, где

нет любви, чем становится счастливой там, куда зовет сердце.

Мы боимся ставить под сомнение общественные стереотипы. Не забывай, Флора: их придумали люди, далеко не идеальные создания. На самом деле для счастья в жизни есть все.

Люблю,
Ани

12. Пусть свет в твоих глазах не угасает

Флора,

сегодня сложный день. Море выбросило на берег тела пяти дельфинов. Мы с Нелли обнаружили их утром. Браконьерский беспредел: дельфины попадают в сети, предназначенные для осетровых, и погибают от удушья. До сих пор не могу успокоиться.

Сегодня внутри меня – злость; она мучает, с ней тяжело (не могу написать «жить», потому что когда злишься – не живешь, существуешь). Ничего не могу с собой поделаться, да и не надо. Даже такое глубоко неприятное чувство надо признать и позволить ему некоторое время существовать. Общество придумало себе эпоху всеобщей радости и настоятельно призывает избавляться от печали как можно быстрее...

Когда-то я думала, что в своем нынешнем возрасте многое (если не все) пойму про мир, приму его. Не получилось, Флора. Все еще полна протеста. Учусь любить жизнь с ее несправедливостями. Не верю в слепую любовь – к человеку, дому, работе, стране, в целом к жизни. Когда любишь, четко осознаешь все «за» и «против». Все грани, нюансы, шрамы.

Приехали представители экологической организации, похоронили дельфинов.

Возвращались с Нелли домой, говорили о человечестве. Я сказала, что человек давно стал рабом собственной подлости: да, он может достигнуть какой-то вершины, но долго удерживаться на ней не может, пороки тянут вниз.

«Да, Ани, нет более жалкого и более прекрасного создания, чем человек. Но я убеждена, что добра среди людей было и будет больше. Я верю в это, когда прихожу в местную школу. Там старшеклассникам объясняют, как спасти выбросившегося на берег дельфина, как правильно накрыть его мокрой тканью или водорослями, как правильно полить, как важно не тянуть за хвост в воду... Я вижу сострадание в глазах детей, как они хотят сделать мир лучше. И молюсь, чтобы этот свет в них не угасал».

Две кастрюли виноградного джема (из сорта «Изабелла», темно-пурпурного, с трудом его достала!) подгорели. Недосмотрела. Это окончательно выбило из колеи. Вышла из дома на перекур, увидела на прибрежном песке следы утренних дельфинов и заплакала.

Флора, мне было так же горько, как в двадцать лет в университетском

общежитии после проваленного экзамена. Боль везде одинакова. И у моря, и у многоэтажки. И в тридцать, и в семьдесят пять.

Вернулась домой, выкинула остатки джема за дом, пусть чайки склюют. Завтра новый день. Еще напишу.

Люблю,
Ани

13. Немного солнечного мая – и, тоненький бисквит ломая, тончайших пальцев белизна

Флора,

вчера сама не заметила, как заснула в кресле у окна. В платье, с ручкой и блокнотом в руках. Каждый день перед сном открываю окно хотя бы на полчаса, слушаю море. В темноте волн почти не видно, но их песня передает настроение воды, и я по памяти подбираю под нее стихи или песню. Судя по записи в блокноте, вчера вспомнился Мандельштам: «Немного красного вина, / Немного солнечного мая – / И, тоненький бисквит ломая, / Тончайших пальцев белизна».

За окном – рассвет. Традиционно я просыпаюсь с первыми лучами солнца и первым делом подхожу к окну, записываю в тетрадь состояние моря – каким его вижу, единого цвета или в оттенках, в шторме или штиле. Вот сегодня море похоже на старый дом, над ним кружат чайки и ждут, когда хозяйева угостят их кунжутными бубликами.

Уже собиралась идти в ванную, когда на глади сонного моря увидела глаза ребенка. Сначала решила, что твои, девочка моя. Но вдруг облака разошлись, и под солнечным светом я узнала Робера. Того мальчика из детского дома. Твоя мама наверняка помнит эту историю.

Как-то летом мы с Сарой поехали к морю. Там отравились и с высокой температурой попали в местную больницу. К нам в палату положили мальчика по имени Робер, из детского дома. Ему было три с половиной года, он тоже болел. Копна светлых волос, голубые глаза, недоверчивый и одновременно нежный взгляд.

Я ухаживала за Робером и Сарой одновременно, читала им сказки, показывала маленькие спектакли про заблудившегося в лесу лисенка, а когда им делали уколы, пела песню про утят. «Это танец утят, которые, выходя из пруда, отряхивают лапки и крикают»^[14].

Это были веселые дни, хотя дети болели. Они улыбались – это главное. Как сказал врач Саре и Роберу, «улыбкой вы помогаете нам быстрее вас вылечить».

Наступил день выписки. Нас с Сарой отпустили во вторник, Робер выписывался на следующий день. Когда мы прощались, мальчик обнял

меня и сказал: «Мама, не уезжай». Никогда не забуду его глаза. Они напоминали осеннее море во время дождя.

Пообещала за ним вернуться (взяла у врачей координаты детского дома). Мы приехали домой. Я рассказала Франку про малыша, просила его забрать. Он так и не согласился. Спустя два месяца я все же поехала за мальчиком, но к тому времени Робера уже усыновили...

Сходила за виноградом – сегодня мой день, я снова нашла тот самый сорт «Изабелла». Снова варю джем (не могу простить себе, что предыдущий подгорел). Принялась за самую кропотливую часть процесса – разрезать каждую ягоду надвое, удалить косточки. Затем засыплю их сахаром на полдня... Флора, для виноградного джема лучше брать темные сорта: аромат у них сильнее и цвет дают красивый. Я еще добавляю пару ложек бальзамического уксуса, он придает джему слегка карамельный вкус.

Пока ягоды пускали сок, замесила тесто. Буду печь пироги с брусничным джемом, отвезу их в детский дом, что на Коричневой улице, недалеко от швейной фабрики. Познакомлюсь с детишками. Не зря мне вспомнился Робер; когда думаю о нем, вижу облачко золотых блесток. Надеюсь, он счастлив. Еще напишу.

Люблю,
Ани

14. Твоя мечта обязательно сбудется

Флора,

прости, что так долго не писала, с утра до вечера была занята (джемы в лавке Густава разлетаются, сварила две дополнительные партии), не оставалось сил на письма. Только записывала настроения моря и бежала по делам. Но мысленно я говорила с тобой.

Девочка моя, люди считают, что если о чем-нибудь сильно попросить Бога, он это исполнит (пусть и не тогда, когда этого ждут). Не смею оспаривать. Но нельзя забывать, что каждый из нас тоже немного волшебник – помоги своими действиями Богу воплотить то, что так сильно хочешь или хочет тот, чьей мечтой, быть может, является твой поступок.

Мечты должны становиться реальностью. Чтобы они сбывались, нужно немного терпения, чуть больше труда и как можно больше веры. Ты смотрела мультфильм «Золушка»? (Ох, как же ее «спела» Эйлин Вудс... надо переслушать!) Там есть прекрасные слова: «Как бы сильно твое сердце ни страдало, если будешь верить, твоя мечта обязательно сбудется».

Девочка моя, я помогла Богу исполнить еще одну мою мечту. Усыновить ребенка. Эта мечта жила в моем сердце еще до появления Сары, с институтской поры. Сначала боялась, что не хватит сил, потом были против и Франк, и Борис... Все эти годы я не переставала верить, что наступит день, когда смогу подарить тепло не только своему ребенку, но и малышу, который по воле обстоятельств им обделен.

В этот раз я не смогла стать родителем официально. Статус, документы, возраст не позволили. Но мне разрешили опекать мальчика с глазами мудрыми, печальными и одновременно полными жизни. Когда я впервые увидела его в доме сирот, он сидел на подоконнике. «Он ни с кем не сближается, но чрезвычайно вежлив. Любит смотреть на воду и пить молоко», – сказала о нем воспитательница. Его зовут Галим. На иврите это «волны».

Я подошла к нему, вытащила из кармана горсть жареного миндаля, протянула. «Угощайся. Моя подруга Нелли обжарила этот миндаль в морской соли. Теперь он пахнет волнами». Мальчик посмотрел на меня, сначала нахмурился, потом улыбнулся и протянул в ответ маленькую смуглую ладошку.

Люблю,
Ани

15. Плыви из привычной гавани к новым берегам

Флора,

сегодня волшебный закат. Галим сидит в моем кресле, смотрит на море. Задержались, пора вести мальчика обратно в приют. Тяжело расставаться, пусть и знаю, что завтра снова встретимся. Льет мелкий дождь. Море словно надело серый свитер грубой вязки и прячет в нем нос.

Завариваю ройбуш с сушеной голубикой, нарезаю капустный пирог. Накормлю Галима перед выходом. Мальчик не отрывает глаз от окна. «Малыш, на кого сегодня похоже море?» Оборачивается. Такого я люблю его еще сильнее. «На промокшего Карима, который забыл в шкафу зонт и со всех ног бежит домой».

Карим – друг из фантазий Галима. Он боится тяжелых портфелей, книжной пыли, строгих воспитательниц и детского крика. «Карим такой смешной, Ани! Боится надувать шарик из жвачки, думает, что он унесет его в небо».

Наполняю банки джемом из сладких красных перцев (в нем еще листики розмарина и желтое яблоко – аромат на весь дом!). Пальцем собираю сладкие капли с краев банки – ох, сейчас бы горячего хлеба и козьего сыра! «Галим, а Карим сейчас тут?» Малыш подбегает с моими блокнотом и ручкой. «Да! Вот же он сидит за столом и пускает слюни. Можно я угощу его джемом? А ты пока послушай и запиши, как звучит море...» Выкладываю джем в деревянную пиалу, ставлю на стол. Достаяю две десертные ложки.

Пока Галим с Каримом пробуют джем, открываю окно и закрываю глаза. Слышу голос Клода Франсуа, он поет «*Ça s'en va et ça revient*»^[15]. Флора, мы с Сарой как-то под нее танцевали. «Большая любовь придет, когда ты этого не ожидаешь, и, несомненно, она вылечит твои раны».

Переносюсь в мгновение прошлого. Передо мной – маленькая Сара в расписанном фиалками сарафане. Распущенные волосы светятся на солнце, закручиваясь кольцами: они пахли ранней весной, никогда не забуду этот аромат. Окно открыто, слышны гомон летнего двора нашей пятиэтажки и хруст подсохших простыней на балконе.

Примеряем сарафаны, которые возьмем с собой на море. Сара

кокетливо вертится перед зеркалом шифоньера. Тем временем я закончила примерку и уже достаю чемодан, вытряхиваю из его недр желтый песок прошлой поездки (как он туда попал?).

Из радио на кухне Клод все в той же песне описывает любовь. «Она вам обновляет сердце. / Она цепляет вам на спину белые крылья. / Она водит вас по облакам». Помню, как, слушая эти слова, я замерла в счастливой мысли: люблю. И меня любят. И это не только о людях, но и о воздухе, городе, встречах, поездках, мыслях, вопросах и ответах.

Флора, вечны только воспоминания. Поэтому не бойся нырять в море. Двигайся из привычной гавани к новым берегам. К ним ты приплывешь уже другим человеком. Еще напишу.

Люблю,
Ани

16. Не бойся, ты не одна

Флора,

совсем не сплю ночами, неважно себя чувствую. Поэтому не писала, прости. В эти дни меня будто опрокинули на дно глубокой ямы, нет сил из нее выбраться. Чувствую огромную усталость. Единственное, что могу сейчас делать, это смотреть на воду, сидя в кресле. В нем же и засыпаю на пару часов ближе к полудню. А потом меня снова будит страх, не дает покоя. Страх, что больше вас не увижу.

Вчера попробовала подойти к плите. В погребе ждет ящик райских яблок, из которых собиралась приготовить варенье. Плоды душистые, малинового цвета, с сочно-хрустящей мякотью. Ох, любимое варенье! Ни с каким другим не сравнимое, с «хвостиками», за которые хватаешь яблоки прямо из баночки. Добавляю в сироп полукружья апельсина и палочку корицы (во вторую варку корицу вынимаю).

После сбора райские яблочки хранятся месяц, значит, у меня еще есть время, надеюсь, не сгниют. Огромное заблуждение, когда для варенья и джемов выбирают подпорченные, некрасивые плоды, мол, все равно варим, какая разница. Когда творишь на кухне, надо делать это красиво, иначе будет невкусно ни тебе, ни тем, кто пробует. *C'est véritablement utile puisque c'est joli*^[16].

Видишь, как только твоя бабушка заговаривает о вареньях и джемах, сразу воскресает.

Нелли считает, что старость несправедлива и беспощадна. «У старости черные крылья, Ани. Стоит ей взмахнуть ими, как человек опустошается, выдыхается, как бутылка вина». Не согласна с подругой. «Если ты видишь старость такой, то так ты ее и проживешь. Я с сорока мечтала, что проведу закат жизни в доме у моря, в окружении банок с джемами и любимых людей... Не все получилось, как хотела, но это жизнь, у нее на нас свои планы».

Девочка моя, не виню ни в чем старость, не согласна, что она приходит вместе с болезнями и тревогами. То, что мучает меня сейчас, мучило и пятнадцать лет назад. Просто тогда мне не хватило знаний и решимости с этим разобраться.

Скучаю по Галиму. Нет физических сил сходить за малышом, да и не смогла бы за ним ухаживать – кружится голова. Сегодня позвонила в

приют, услышала его голос. «Ани, ты быстро поправишься! Ведь Карим рядом, просто ты его не видишь. Я послал его к тебе, чтобы он защищал тебя от высокого давления, а дом – от северного ветра».

Я слушала голос Галима, и меня переполняли счастье и страх (прости, что снова о нем, измучилась). Счастье от того, что мальчик стал маяком для моего заблудившегося корабля. И страх от мыслей о том, что могу потерять этот маяк из поля зрения, что не наступит день, когда мы все – ты, Сара, Галим и я – сядем за один стол завтракать булочками с брусничным джемом.

Пытаюсь вернуть обострившиеся страхи в дальний угол внутри себя.
Скоро придет Нелли, принесет куриного супа.

Люблю,
Ани

17. Я вся – как запущенный сад

Флора,

этот город – как красивый сон, после которого просыпаешься и радуешься, что все наяву. Будь дана мне еще одна жизнь, я прожила бы ее тут. В этом же доме у моря, вдали от большого города, временами поднимаясь в ближайший поселок за фруктами, сыром, хлебом и книгами. Покупала бы на неделю вперед и возвращалась в теплые стены, подальше от бешено мчащегося мира. Мне легче. Пока еще немного кружится голова, давление скачет. Позавтракала кусочком капустного пирога (Нелли прекрасно печет!) и чашкой мятного чая. Аппетита нет, заставляю себя.

Рада, что начала снова писать, девочка моя. Спешу сообщить, пусть и с небольшим опозданием: вчера вечером море звучало композицией Франсиса Ле. «Vivre pour vivre»^[17] в оркестровке Мориа. Послушай и, если не видела, посмотри одноименный фильм. Музыка, операторская работа, костюмы от Ива Сен-Лорана – наслаждение. А какие там Монтан с Жирардо!

Утром вдруг вспомнила сад дома моего детства (писала о нем в первом письме). Проснулась (опять сморило в кресле), посмотрела в окно и на водной глади увидела наш сад в полутенях ранней осени. С темно-зелеными листьями, черной почвой, божьими коровками на стеблях.

Цвели гортензии. Мама купила саженцы у какого-то мальчишки на рынке. Обычно она покупала цветы у знакомых торговцев («надо знать в лицо тех, кто делится с тобой красотой»). А тут увидела здоровые, крепкие саженцы, подошла к мальчугану. Долго присматривалась, потом посмотрела на меня и сказала: «У него глаза с поволокой, рожден быть глубоко чувствующим. Такие глаза бывают на иконах... Возьму». Саженцы сразу принялись и подарили самые прекрасные метельчатые гортензии, которые я видела в жизни. В первых числах ноября мы с мамой обрезали кусты, связывали их на зиму, прощаясь до весны...

Дверь дома открыта, поскрипывает на ветру. В комнату врывается морская свежесть. Слышу, как слетаются к крыше чайки, надеются, что я вынесла им еды; как рачки скрипят в песке, когда волна отходит от берега; как возле маяка кто-то грудным голосом напевает песню о не вернувшихся кораблях.

Нелли снимает с веревки мои высохшие платья. Через мгновение она

занесет их в дом вместе с соленым ароматом моря. Люблю подругу. Мы словно знакомы с прошлой жизни. Флора, так важно найти «своих». Тех, с кем будешь создавать бесчисленное число созвездий в своем космосе.

«Был я весь – как запущенный сад...» Словно зная о моем утреннем видении, с этими словами Есенина Нелли покрывает стол нежно-голубой скатертью. Ставит пиалу с брусничным джемом, следом достает хлеб. «В первый раз я запел про любовь, в первый раз отрекаюсь скандалить... Подруга, давай завтракать».

Медленно встаю с кресла, Нелли подходит ко мне, подхватывает за руку. Идем к столу. Я ни за что не скажу ей, что уже ела. Еще напишу.

Люблю,
Ани

18. Счастья и мира тебе в новом доме

Флора,

добралась, наконец, до Галима. Небо было в серых облаках, пахло дождем. Дело к осени. Когда я под руку с Нелли зашла во двор детского дома, Галим сидел у расписанной радугой стены и, напрягая щеки, дул вверх, в небо. Увидел меня, не отреагировал. Я села рядом, Нелли отошла покурить. «Что делаешь, малыш?» Он продолжал пыхтеть, будто надувал невидимый шар. «Хочу разогнать облака и освободить солнце».

Придвинулась к нему. «Помогу?» Он посмотрел на меня с обидой. Такой маленький, но взрослый. «Давай. Но знай, что я и на тебя дуюсь». Я стала дуть в небо. «Почему, малыш?» Неожиданно облака начали расступаться, по лицу малыша проскочил луч солнца. «Ани, вчера мне было что сказать, но не было тебя. Сегодня есть ты, но говорить не хочется». Распахнулись двери здания, во двор высыпали дети. Галим побежал к ним.

* * *

Спустя час сидим с Галимом на ветхой пристани. Достāju из кармана томик Мандельштама, подаренный Нелли. Открываю первую страницу, там надпись: «Счастья и мира тебе в новом доме. Тишины, которая наполняет, звуков, которые радуют сердце. Вдохновения и долгожданных встреч. Н.».

Галим берет из моих рук книгу, осматривает, принохивается к корешку. «Она пахнет тобой... брусничным джемом». – «Ты лучше скажи, почему на меня обиделся?» Возвращает мне книгу. «Ты не приходила и не звонила два дня. Я испугался, что больше тебя не увижу. Потом появился Карим, рассказал, что ты болеешь. Что плохо ешь, споришь с тетей Нелли и снова спишь в кресле. Тебе нельзя, спину схватит».

«Галим, видишь вон ту старую лодку с прохудившимся дном? Вот слушаю тебя и чувствую себя такой же развалюхой. Хватит, лучше пошли есть. Обещаю больше не засыпать в кресле».

Уходим с берега, Нелли ждет нас в кафе неподалеку. Держу малыша за руку, крепко-крепко, боюсь отпустить. В голове строки Мандельштама: «Мне стало страшно жизнь отжить – и с дерева, как лист, отпрынуть». Еще

напишу.

Люблю,
Ани

19. У моря всегда хорошо

Флора,

если ты спросишь, как мне живется, я отвечу «хорошо» (потому что у моря мне действительно хорошо). А потом, заварив нам чаю с гвоздикой, добавлю: «По-разному живется. Иногда светлее, иногда темнее. Иногда прозрачно, иногда туманно. Живется как любому другому человеку». Да, жизнь – это всегда по-разному, не ищи в ней стабильности. В любой момент все может измениться. Главное – сохранить себя и любовь к тому хорошему, что есть.

День может выдаться сложным или болезненным, может показаться, что это конец. Но приходишь домой, смываешь с себя все плохое, ложишься в постель, в открытое окно льется вечерняя прохлада, от которой так приятно спастись под одеялом, – и отпускает.

Оказывается, случившееся совсем не конец.

Или прожила немало лет, уверенная, что хорошо себя знаешь. Но возникает ситуация, попав в которую понимаешь, что давно перестала быть с собой честной. Из-за этого сбоя много дней прошли на автомате, мимо того важного, что принято называть «мелочами» (именно в них – сокровища мира).

Девочка моя, действительно честен тот, кто спрашивает себя, достаточно ли он честен.

Желаю тебе избавления от всего, что мешает слышать себя, что утяжеляет полет. Пусть неприятное уйдет, и откроются возможности светить еще ярче, вдохновлять тех, кто вокруг, на доброе и красивое.

Желаю полюбить себя, если ты еще к этому не пришла. Как это сделать? Позволь себе ошибаться, но не переставай воспитывать в себе сильную личность. Радуй себя и балуй, но умей вовремя ограничить. Отпусти людей, не развивающих в тебе любовь. И старайся совершать больше добрых поступков – от них ты станешь только лучше.

Флора, жить долго, красиво и качественно – большое искусство. Желаю тебе им овладеть.

Прости мне поучительный тон письма. Это большое, подчас неконтролируемое желание уберечь тебя. Быть с тобой. Пусть не физически, но хотя бы так, сквозь чернила, бумагу и то невидимое, что между строк. Еще напишу.

Люблю,
Ани

20. Нет такой любви, которая не стала бы помощью

Флора,

четыре дня льет дождь, иногда прячась за облаками, как за ширмой, ненадолго, буквально на два-три часа, словно набирается сил, а потом припускает с новой силой. Наш город, хоть и с календарным опозданием, переделся в осень.

Утром разбирали с Галимом на чердаке коробки, они там от предыдущих хозяев. В них старые газеты и журналы, пахнущие утраченным временем. Обнаружила бюллетени Гарвардской школы богословия – интересно, кто их сюда выписывал? На обложке одного из выпусков вычитала: «Нет такой любви, которая не стала бы помощью».

Девочка моя, вижу в этих словах истину – они о настоящей любви, о любви на всю жизнь, о том, что такая любовь существует. И чтобы ее найти, не надо никуда ехать, достаточно повернуть ключ в замке: обнимать крепко-крепко, радоваться тому, что встречаешь в новом дне, и уметь находить покой. Словно сидишь возле июльского моря с закрытыми глазами, но с открытым сердцем. Когда ты встретишь и узнаешь себя, ты встретишь и узнаешь того, с кем захочется спеть любимые песни и заварить не одну чашку кофе.

За окном – свинцовые тучи. В громовых раскатах мерещится ворчание садовника, недовольного тем, что давно не поливал деревья. В доме пахнет сахаром из открытого мешка, лимонными леденцами Галима, которые он, неисправимый сластена, прячет в кармане брюк, и мякотью тыквы.

Очищаю ее от кожуры, нарезаю небольшими кусочками. Сегодня с Галимом готовим тыквенный джем на смеси апельсинового и лимонного соков – представляешь себе эту оранжевую красоту? И специй добавим – гвоздику, корицу, бадьян. Объединение! Флора, сама я не очень люблю тыкву, но этот джем стал для меня находкой. В нем настолько яркий цитрусово-пряный вкус, что тыква почти не чувствуется.

После недавнего кризиса со здоровьем врач на время запретил стоять у плиты. Хватило меня на два дня. На третий уже спешила на рынок за тыквой, напевая под нос: «Они хотят быть свободными, / Неважно, какой ценой. / Они хотят жить, жить, жить, / Жить свободно в Париже»^[18].

Флора, без работы я страдаю, отравляю жизнь окружающим. Безделье разъедает меня, как ржавчина, мне хорошо среди банок, склянок, фруктов и овощей. Да и давно доказано: мозг меняется, когда его используют, и слабеет, если ничем его не занимать.

Моя работа на кухне – медитация. Могу подолгу наблюдать за тем, как брусничный джем растекается по белой тарелке или как им заполняются чистые банки, перебирать ящики с фруктами, убирая мятые или скисшие плоды.

Флора, здорово иметь дом, особенно когда в нем пахнет хлебом, джемом и отглаженным постельным бельем. Жить надо там, откуда не хочется сбегать в путешествие. Еще напишу.

Люблю,
Ани

21. Мы тут, мы живем, чувствуем. И это главное

Флора,

собираюсь в дорогу. Утром сделала запись о море: оно было спокойным, в тумане, цвет воды тяжело определить, между синим и серым. Сегодняшнее море похоже на женщину-художницу, замершую перед листом акварельной бумаги – она вот-вот сделает семнадцатый набросок в надежде, что желанный образ не ускользнет. Я переживаю за нее, но мешать не стану, это ее история.

Кстати, знаешь, какая музыка мне вчера послышалась в шуме волн (северный ветер их издевательски гонял, но на подходе к берегу волны сдерживали мощь, словно не хотели испугать жителей города)? Элтон Джон, великолепный мелодист. «Верую в любовь – это все, что есть. / Преград, пределов не встретишь здесь. / Любовь – проста, вражды хотят те, кто счел разность за порок дитя»^[19].

Отношу банки с джемом (айвовый, с имбирем – господи, сама готова слопать все, что наварила!) на чердак, отключаю газ, воду, электричество, закрываю ставни. Едем с Нелли в город С.: там родился Галим, там сможем что-то выяснить о его родне. Хочется узнать историю мальчика.

Впереди пятнадцать часов дороги. За рулем будет Нелли, поедem на ее стареньком «Рено». Через полчаса встречаем в кафетерии на выезде из города. Предвкушаю беседы (постараюсь тебе их записывать), море за окном (два с половиной часа будем ехать вдоль побережья) и мысли о возвращении ко всему, что я тут так люблю. Еще напишу.

Люблю,
Ани

* * *

– Что читаешь, Нелли?

– Когда чувствую, что меня засасывает бытовая трясина, открываю Чехова. И получаю укол доброты и жестокости одновременно. Наверное,

после прочтения я чуть-чуть сокращаю свою жизнь. Душу разрывает, слезы сами собой льются, но что-то темное уходит... Что тебе помогает, подруга?

– В разные периоды разное. Было время, когда увлекала работа: приходила в контору в девять утра, уходила в девять вечера. Бывало, спасала дальняя дорога. Бывало, возвращение туда, где ждут.

– А сейчас?

– Любовь, Нелли. И тогда была любовь, просто я не пробовала определить это одним словом. Нет ничего прекраснее любви. К работе, городу, дому, близким людям. К человеку, с которым открываешь новое. Хорошо помню себя, любящую Бориса.

– Это было красиво, Ани?

– Мы верили друг в друга, оставляя за собой право на ошибки. С Борисом я научилась испытывать чувство любви и благодарности не только к тому, кто рядом, но и к себе. После первого брака самым трудным для меня было ощущение зависимости в отношениях. Будто прыгаешь в море и не чувствуешь дна. Страшно. Только расслабившись и доверившись воде, не сопротивляясь, можно испытать удовольствие.

– Понимаю, о чем ты. Не загубить любовь вопросами. У Чехова об этом так: «Когда мы любим, то не перестаем задавать себе вопросы: честно или нечестно, умно или глупо, к чему поведет эта любовь и так далее. Хорошо это или нет, я не знаю, но это мешает».

– Так и есть, Нелли. Когда я устаю от поисков и размышлений, вспоминаю дорогу из детства. Точно не помню, откуда и куда она вела, знаю только, что это было летом. Я с отцом, машина едет по горячему шоссе, южный ветер в окно, два арбуза перекатываются в багажнике, на коленях – горячие лепешки, завернутые в бумагу. Где-то там, недалеко, море, приближаемся. Мне шесть, затаив дыхание, я смотрю на ленту жизни за окном и мысленно тороплю ее, чтобы быстрее добраться до воды, увидеть ее и запомнить. Для зимних снов...

– Ох, море!.. Ани, но все же нет никакого общего смысла жизни, одного на всех, с какими-то конкретными составляющими. Мы тут, мы живем, чувствуем. И это главное.

– Да.

22. Как бы я хотела, чтобы ты был с нами

Флора,

еду и думаю, как важно быть честной перед собой. Сначала это сложно и непривычно, но потом понимаешь, как много сил отдано иллюзиям, которые не привели ни к чему хорошему. Мы попадаем в такие ситуации, когда правда нелегка, но честность была и остается лучшей стратегией.

Вслед за честным выбором может возникнуть пустота – не бойся ее. Чтобы увидеть новые дороги и еще сильнее полюбить жизнь, всегда требуется остановка. В такие периоды нужно переключиться на другую частоту, взять паузу, после которой твоя оптика станет четче. Станет интереснее жить.

Девочка моя, мы в начале пути. За окном море, туман рассеивается. Проснулись чайки, встречают рыбацьи лодки. Нелли сосредоточенно следит за дорогой.

Как бы я хотела, чтобы ты была с нами! Еще напишу.

Люблю,
Ани

* * *

– Утром, по дороге к тебе, радио сообщило, что в соседнем городе повесился еще один школьник, считавший себя геем. Над ним издевались в школе. Ани, еще немного – и мое сердце разорвется! Сестра мальчика рассказала, что одноклассники высмеивали его, предлагали убить себя, «исправить ошибку природы». Черт, в каком веке мы живем?!

– Это очень тяжело. Еще тяжелее, когда родители отталкивают таких детей, не принимают, пытаются лечить. Водят в церковь, если их еще можно туда привести, и сами с головой уходят в храм.

– Я тоже ходила. И молила Бога, чтобы мой старший сын стал «нормальным». Мне стыдно, Ани.

– Леон сам тебе признался?

– Да, восемь лет назад, ему было двадцать два. Я отвратительно повела себя в ответ. Меня волновало не то, что надо понять сына, а то, что

подумают о нас с мужем. Но однажды я проснулась и осознала, что мне все равно, какая сексуальная ориентация у моего ребенка. Он все равно мой любимый мальчик, сейчас уже талантливый врач-онколог, спасший сотни человеческих жизней... Когда мы с мужем ждали Леона, нам не было важно, подарит ли он нам внуков и что о нем будет думать общество. Мы любили друг друга, и Леон был продолжением этого чувства.

– Понимаю, о чем ты, Нелли. Сексуальная ориентация – меньшее из того, о чем нам, родителям, следует беспокоиться, когда речь идет о детях. Вот продажность, воровство или еще что похлеще – это страшно... Осуждать за иную ориентацию – все равно что осуждать человека, родившегося с темным цветом кожи. Это то, что дано с рождения.

– В какой-то момент мне стало мало это понимать. Я хотела помочь тем, кто не такой, как все. Третий год состою в организации по предотвращению самоубийств среди ЛГБТ-молодежи. Ученые подтвердили: гомосексуальность определяется на стадии эмбрионального развития. Те, кто говорит, что гомосексуальность – итог воспитания, подливают масло в огонь самобичевания родителей, чьи дети родились лесбиянками, геями или трансгендерами. Они будут считать себя плохими родителями, обвинять себя, что недоглядели, недодали. Чего мы добьемся, продвигая мракобесие?..

– Все мы одинаковы – в любой точке планеты, любой национальности, сексуальной ориентации и любого цвета кожи, мы так же, как остальные, чувствуем, так же любим, так же страдаем и так же хотим быть счастливыми.

– Да.

23. Позволь людям быть собой, а не тобой

– Сравнить свою жизнь с каким-то недостижимым идеалом. Я, наверное, лет до сорока этим себя изводила, представляешь? Это же утопия, Ани. Пока ищешь совершенство, счастье, которое обычно под носом, остается незамеченным. Стремилась к идеальной картинке (а она ведь почти невозможна) и, сталкиваясь с несоответствием, страдала. Только когда дети подросли, я поняла, что признаки несовершенства есть в любом совершенстве, и те, кто постоянно ищет идеала, никогда не найдут покоя.

– Я до сих пор учусь не сравнивать, не расписывать жизнь по плану и не терять контакта с той точкой времени, в которой нахожусь.

– Говорим с тобой, и я вспоминаю пионы. Очень их люблю. Бабушка в теплые месяцы привозила нам цветы из сада. Ани, я помню аромат этих пионов, свой восторг от их красоты, могла часами рассматривать бутоны. В детских фантазиях я жила в нем, как Дюймовочка.

– А я вчера ощутила бескрайность совершенства, когда перечитала Элюара. Великий талантом и духом человек. «Здравствуй, печаль! / Ты вписана в линии потолка, / Ты вписана в глаза, которые я люблю, / Ты отнюдь не беда, / Ибо самые жалкие в мире уста отмечаешь улыбкой»^[20].

– Люблю его. «В мире нет беспросветных ночей. / Вы мне верить должны, если я говорю, / Если я утверждаю, / Что всегда даже в самой крошечной печали, / Есть открытое настежь окно, озаренное светом»^[21].

– Ани, я вот еще что хочу добавить... Печально, когда человек начинает искать совершенства в отношениях. Это прямой путь к разочарованиям. На самом деле с людьми гораздо проще, намного сложнее выстроить здоровые отношения с самим собой.

– Начать с себя...

– Ага! Если с собой все начнет складываться, то и с миром тоже. Ани, в отношениях с людьми достаточно понять одну истину: позволь им быть собой, а не тобой. Позволь не понять тебя, не посмотреть на мир под твоим углом, не поддержать, не пожалеть. Другие люди реальны так же, как и ты.

– Верно... Я до сих пор учусь быть терпимее.

– Каждый поступает по любви, которую получил или недополучил.

– Да, Нелли.

– Помню, долгое время на оборотной стороне всех фотографий своих детей я писала: «Спаси и сохрани нас, Господь, от бед и злобы людской». Ох, этот прекрасный и одновременно злой мир!

– Единственное, что мне не видится бессмысленным, Нелли, – это помогать тем, кому тяжелее, больнее. Облегчить чью-то боль. Прочее – пустое.

24. Для счастья не нужно спешить, обгонять, отвоевывать

– Нелли, ты тоже с возрастом перестала бояться отчаяния? Этих удушающих приступов, когда начинаешь выгребать из себя темноту всем, что есть под рукой?

– Перестала. Просто раз и навсегда усвоила, что, как бы глубока ни была душевная рана, ее можно излечить. Разными методами. Мне помогает побыть в тишине и послушать, как внутри меня бьется жизнь. Пока ощущаю пульс, многое можно изменить, улучшить. Сделать то, что поможет найти дорогу домой. Туда, где тепло, спокойно, пахнет вкусным и легко мечтается о море, если вдруг оно не за окном.

– Ты молодец. Я так пока не умею. Безусловно, теперь легче переношу отчаяние, чем в тридцать, но меня то и дело еще тянут к земле тяжелые мысли. Особенно когда думаю о встрече с дочерью и внучкой, когда читаю в газетах о том, как люди мучают друг друга и животных, – и как хорошо, что есть те, кто противостоит этому добром, – когда смотрю на бегущего за чайками Галима и вместе с счастьем меня переполняет страх того, что я могу не увидеть, как он повзрослеет... Не боюсь умереть, боюсь не успеть.

– Ну, Ани, нам остается надеяться и учиться принимать нервотрепку как вид искусства, а не как то, что отнимает силы.

– Кто-то из поэтов писал: «Увы, пока живем, мы видим здесь отчаянья и наслажденья смесь».

– Абсолютно согласна! Со всех сторон нам советуют поддерживать в форме тело, а по мне намного важнее держать в тонусе чувство любви к жизни. Не прекращать удивляться – ведь мир большой и непостижимый, он не может перестать показывать новое.

– Гляди-ка, Ани, как на нас смотрит молодежь в машине слева, думают, небось: и куда едут две старушки?..

– ...причем философствующие!

– Пошли им воздушные поцелуи! Надеюсь, после этого они наконец нас обгонят...

– Я вот пишу Флоре, что, для того чтобы быть счастливым, не нужно спешить, обгонять, отвоевывать. Не нужно поддаваться крикам толпы (которая обычно следует за самоуверенными дураками, а не за колеблющимися мудрецами). Достаточно быть собой и жить в ладу с остальным.

– А еще нужно оставаться ребенком в душе, свободным, бесстрашным и меньше оборачиваться назад – там, как правило, ничего нового. И хорошо бы научиться если не любить, то постараться понять того, кто тебе повстречался. А если принять не получается, то мирно расстаться.

– Ох, Нелли, мы с тобой сегодня столько нафилософствовали, что мне захотелось кофе и тостов. С брусничным джемом, захватила с собой. Как тебе идея?

– Я за!

25. Я смогла выстоять, пусть и на одной ноге

– До сих пор сомневаюсь, хорошей ли я была матерью. Дети уже выросли, а мне все еще думается, что им больше повезло с отцом, чем со мной. Неймет – человек удивительного родительского дара. Это у него получается естественно, без внутреннего борения. А мне часто хотелось сесть в автобус, уехать куда-нибудь, побыть одной (потом, конечно, вернуться). Может, потому что я по натуре одиночка? Не знаю... Как хорошо, что мы их вырастили, Ани, что я выстояла, пусть и на одной ноге. Как хорошо, что был и есть Неймет. Он до сих пор мне говорит: «Мы разделяем с тобой один и тот же сон. Перестань пытаться быть в нем супергероем».

– Я тоже себя до сих пор тираню. Может, надо было жить во имя дочери там, где уже нелюбовь? Может, надо было отказаться от любви во имя стабильного...

– ...и безжизненного?!

– Нелли, я не смогла бы врать себе и близким. Ложь – как камень на сердце, который в итоге меня бы потопил. Вспоминая годы жизни с Борисом, понимаю, что и сейчас поступила бы так же. Да, моя дочь так меня и не простила. Но, может, когда-нибудь она меня поймет. Или нет...

– Ани, наши дети нам не принадлежат. Как бы сильно они ни были бы на нас похожи, это отдельные люди, которые так же несовершенны, как мы. Я убедилась в этом на примере своей семьи. Моя мама, которая рабски любила детей, жила со мной до последнего вздоха. И когда она уже была совсем больная, ни брат, ни сестра ее не навещали. А жили мы рядом. Они и в больницу, где мама пролежала два месяца, не пришли. У меня сохранилось ее письмо, в котором она просит их приехать. Не приехали. Мама умерла у нас с Нейметом на руках. А ведь брат был ее любимчиком...

– Ох, все это так сложно...

– ...и одновременно просто! Главное, что выбираешь после всех ссор и отречений: жить дальше, отпустив груз обид, или искать виноватых, копаясь в прошлом.

– Ты не устала за рулем, Нелли?

– Нет, все хорошо. Недолго осталось, часа полтора. Перед выездом я звонила в пансион, нас ждут. Два года назад, когда приезжали туда с Нейметом, у них было уютно. На подоконниках в комнатах растут

лимонные деревца – они так пахли ночами, до сих пор в носу аромат! А вообще этот город славится красивыми туманами, до полудня ничего не видно, сплошное молоко.

26. Я любила всем сердцем, без оглядки, почти на грани

– За каждой песней Эдит – чувства сильной, любящей женщины... Вот, послушай, какой момент... «Уносимые толпой, которая нас тащит, влечет за собой, придавленные друг к другу, мы составляем одно целое».

– Красота! После «La Vie En Rose»^[22] «La Foule»^[23] – моя любимая у Пиаф. Вот это и есть настоящее искусство, то самое, обладающее силой поднимать выше быта, склок.

– Моя бабушка говорила: от артиста должны поступать сигналы, вдохновляющие на жизнь, а не на разрушение.

– Не только от артиста. Хорошо бы всем людям следовать этой установке. А то нас, ну, как в песне, бывает, уносит вслед за толпой, которая вечно недовольна...

– ...и у которой под рукой всегда керосин. Не знаешь, сожгут тебя или зальют его в твой аэроплан, следующий за мечтой.

– Ох!

– Ани, знаешь, с чем ассоциируются у меня песни Пиаф? Попробуй угадать.

– С Парижем?

– О, Эдит – это, конечно, музыка этого города, но не то.

– С чувством, когда каждый раз влюбляешься словно на всю жизнь?

– А ты поэтесса! Эдит, безусловно, женщина, которая любила всем сердцем, без оглядки, почти на грани... Все равно не то!

– Сдаюсь, Нелли. Выкладывай.

– Когда слушаю Эдит, я вспоминаю вяленые сливы. Это из детства. В сентябре мама обычно покупала ведро «венгерок» и вялила. Сначала в печи, потом в саду, если было солнечно. У нас на кухне пело радио, маленькое, черненькое, побитое годами, но живучее (то кот сбросит приемник с подоконника, то сквозняк столкнет в мешок с мукой, то перебои электричества подожгут схемы). Почему-то именно когда мы вялили сливы, по радио передавали песни Эдит. Помню, мама разрезает пополам сливы, вынимает косточку и складывает одним слоем на противень, а фоном звучит «Mon Dieu»^[24].

– Не могу спокойно слушать эту песню, ком стоит в горле. «Мой Бог! Дай время обожать, любимой быть и в памяти все это сохранить».

– Через три часа мама солит уже подвяленные сливы, перчит, а я на каждую выкладываю тонкий ломтик чеснока и слегка посыпаю смесью тимьяна, розмарина и орегано. Мама сбрызгивает сливы оливковым маслом и возвращает еще на час в печь. И все это под звуки «Padam, padam» выглядит торжественно.

– «Падам, падам, падам... Вновь я слышу признанья в любви»^[25]. Ох! Нелли, держи руль крепко! А то сейчас у нас точно будет «падам».

– Не бойся, довезу нас в целости и сохранности!

– И как только мы вернемся домой, обещаю приготовить вяленую сливу.

– Договорились! Эта пицца божественна, Ани. В банку вяленые сливы уложила, маслом залила и ешь понемногу. Удовольствие надо уметь растягивать.

27. Найти счастье в себе – вот в чем задача

Флора,

в городе С. нет моря. Это первое, что я почувствовала, открыв окна комнаты в пансионе. Воздух тут пахнет старой чугунной плитой, пыльными коврами и разрезанным гранатом. Проспала часа три. Когда проснулась, на столике меня ждали угощения от Нелли: теплый кофе, два розовых граната и бумажный пакет с гужерами. Ох, я предвкушала этот нежный сырный вкус! А хруст золотистой корочки! Объедение! Тут готовят вкуснейшие гужеры (с щепоткой мускатного ореха в тесто). К ним хорошо бокал шоте латур, а не кофе, как сейчас у меня.

Наша комната на втором этаже (ты бы слышала, какая тут скрипучая лестница), рядом с нами – еще одна комната, вроде поменьше. Оба супруга, владельцы пансиона, заботливы и болтливы: они немедленно доложили, что по соседству с нами живет грустный мужчина по имени Ганс, приехал на поиски дочери. «У него с собой всегда печенье с малиновым джемом. Угостил нас. Милый человек, но ужасно грустный».

Перекусила, приняла душ, заправила постель. Нелли оставила записку, что вернется к обеду. Успею погулять.

Когда спускалась по деревянной лестнице, вдруг вспомнила нашу с Франком поездку в Баку. Город-уют на берегу Каспийского моря. Мы тогда только поженились – легкие, свободные, бесшабашные. О Баку Франку еще в детстве поведал его дед Севи, двадцать лет проработавший на нефтяных промыслах. Севи рассказывал, что Баку был городом, где евреи чувствовали себя в безопасности. И мы поехали – пройтись по местам молодости дедушки.

В Баку жили в уютной квартирке с кирпичными стенами и деревянными полами (тоже скрипучими) в Старом городе, как сейчас помню, недалеко от Зеленой аптеки. Утром ходили на местный базар, был сезон инжира. Мелкого, бледно-желтого, медового. По пути домой я съедала полведерка. На соседней улице продавали хлеб, который выпекали в глиняной печи. Отрываешь кусочек горячей лепешки, на нее – белый мягкий сыр или масло с медом, вкусно! После завтрака через Губернаторский садик спускались на набережную. Там нас ждали море, мелкие брызги в воздухе, беспокойные чайки.

В памяти отчетливо вижу лицо Франка тех дней. Обгоревшие на

бакинском солнце щеки, взъерошенные волосы, взгляд озорного юнца, опьяненного первым свиданием. Я смотрела в его глаза, и чувство, что знаю его давным-давно, заставляло сердце биться сильнее. И его мысли, и признания в ветреных переулках – будто уже когда-то проживала именно с ним, быть может, в прошлой жизни. Счастье, что в этой мы встретились снова. *Letum non omnia finit*^[26].

Мы все время ищем любви вовне: мол, придет тот единственный и откроется дверь счастья. Это ложный ориентир, девочка моя. Найти счастье в себе – вот в чем задача. Как только она будет выполнена, ты встретишь того, с кем не будет никаких задач. Вы просто пойдете вместе. И никто не знает, как долго продлится ваш путь. Еще напишу.

Люблю,
Ани

28. Все, от чего мы страдаем, исчезает в объятиях любящих людей

Флора,

мне повсюду тут мерещится прошлое. Город С. выворачивает карманы, из которых выпадают маленькие послания, так и не переданные тем, кому адресованы.

Вижу себя и Бориса в нашей квартире. Субботнее утро, за окном снег. Накрываю на стол – будем завтракать – подогрела хлеб, достала сливочное масло, открываю банку брусничного джема. Борис сидит за столом, делает первый глоток чая. Листает книгу. Мандельштам. Читает полупшепотом: «Я наравне с другими хочу тебе служить... От ревности сухими губами воровать... Не утоляет слово мне пересохших уст, и без тебя мне снова дремучий воздух пуст».

Он поднимает на меня глаза и накрывает своей рукой мои измазанные джемом пальцы. Помню то острое ощущение всепоглощающего счастья, погребающего под собой камни, лежащие на сердце.

Мне не хватает завтраков с ним. Мне не хватает Бориса. Девочка моя, мы не переставали держаться за руки.

В одной старой французской песне есть такие слова: «Все то, от чего мы страдаем, растворяется, исчезает в объятиях любящих людей». Я пела эту песню маленькой Саре, когда посреди ночи, напуганная страшным сном, она прибежала в нашу с Франком спальню. Маленькая, в пижаме с розовыми дельфинами и взмокшей шеей. (Как она вкусно пахла – Франк утверждал, что барбарисовыми леденцами, а по-моему, цветами, весенними и непременно голубыми.)

Мы с Сарой залезали под мое одеяло, крепко-крепко обнимались, я напевала ей песенку, и она засыпала. Потом Франк брал ее на руки, возвращал в кроватку.

Флора, всего лишь одно объятие может не только исцелить от дурного сна, но и спасти жизнь. Объятие понятно без слов.

Жду завтра. Встречаемся с Мари, бывшим директором приюта, где вырос Галим. Она уже на пенсии, навестим ее дома. Хочу узнать историю моего мальчика и помочь ему создать новую. Счастливую, полную любви, понимания. Пусть у нас получится.

Флора, не нужно бояться прошлого (без него не было бы того, что есть

и что будет), оно не может испортить жизнь, если им не злоупотреблять. Прошое, в конце концов, можно использовать во благо, если принять случившееся как бесценный опыт. Еще напишу.

Люблю,
Ани

29. Тебе не холодно?

Флора,

за окном, у которого мы сидим, нет моря. Бесконечная на первый взгляд степь, сейчас серая с желтоватым оттенком, на горизонте сливается с таким же небом. Льет дождь, мелкий, монотонный. Тут нет перепадов, контрастов, все подолгу и стабильно. Не моя земля. «Я скучаю по морю, даже когда нахожусь рядом с ним. Это странно, Нелли?» Нам не спится.

Обычно Нелли объясняет такие беспокойные дни полнолунием или тем, что та или иная планета начала двигаться в сторону, обратную Зодиаку. Ну, выкладывай, подруга, что на этот раз: Сатурн опять в оппозиции к Луне? Рука небес снова не так раскидала звезды? Легче всего все свалить на звезды и планеты. «Нет, почему же! Человеку свойственно скучать по тому, что вот-вот станет прошлым. Ты наблюдаешь тот или иной момент, впитываешь в себя сколько можешь, зная, что он вот-вот закончится. И начинаешь по нему скучать, будто заранее... Прошлое выглядит красивее настоящего. Тебе не холодно? Дать плед?»

Отвожу глаза от мрачного неба, смотрю на Нелли. В желтом свете уличного фонаря она выглядит моложе лет на десять, тени сгладили ее морщины. «Нет, спасибо. Мне хорошо... Нелли, а что тебе помогает пережить моменты хандры?» Она встает, поднимает окно (в пансионе они в английском стиле).

В теплую комнату втекает холодный воздух, приносит запах розмаринового куста в саду, проржавевших труб и подошедшего теста. «Понимание того, что и это пройдет... Ложись спать, Ани. Завтра, точнее, сегодня, подъем в восемь». Тревога перед встречей с Мари не отпускает.

Неужели в своих письмах я выгляжу расклеившейся занудливой бабкой? Упаси Господи! Я люблю жизнь, пусть она порой и тяжела. Надеюсь, этот свет виден между строк.

Пишу и будто вижу по ту сторону письма твои дружеские плечи, то, как киваешь, как хмуришься, не понимая меня, или смеешься вместе со мной и с героями моих историй. Спасибо тебе, дорогая.

Пойду спать (написала тебе, и сразу отпускает), но перед этим хочу поделиться рецептом осеннего печенья от Нелли. Оно с кардамоном и белым шоколадом.

Возьми горстку кардамона, отдели стручки от семян. Их нужно

растолочь – приготовься вдохнуть магический аромат! Взбей масло, сахар, жирные сливки и кардамон, после чего просей в эту массу муку и добавь немного мелко нарубленных фисташек. Замеси тесто. Сделай из него лепешку, заверни в пленку, пусть отдохнет полчаса в холодильнике.

Потом раскатай, вырежи стаканом кружки и выпекай их минут пятнадцать-двадцать до подрумянивания. Пусть остынут. Остался еще один штрих. Растопи белый шоколад, обмакни в него половинку каждого печенья и положи на сетку, пусть застывает. Осеннее печенье готово.

Тебе приятного аппетита, а мне... добрых снов. Еще напишу.

Люблю,
Ани

30. Надо жить у моря

Флора,

в ее комнате нечем дышать. Сигаретный дым, пыль от разбросанных повсюду книг, линяющие кошки – одна черно-рыжая, другая цвета пудры. Мари предлагает кофе. Отказываемся. «А я, пожалуй, выпью. В горле пересохло». Она проходит на кухню, через пару минут возвращается с кружкой горячего кофе. Судя по запаху, растворимого. Садится в кресло, накрытое красным пледом, достает из кармана фляжку с бренди, подливает в кофе.

Ей около семидесяти, длинные седые волосы, усталые зеленые глаза. Белоснежное лицо в морщинках, безукоризненный маникюр. Красный лак добавляет унылой картине жизнерадостности.

Показываю Мари фотографию Галима – он сидит у окна, улыбается, прищулив один глаз, в руках бутерброд с брусничным джемом. «Хорошо помню этого малыша! Такой смугленьш с мудрым взглядом, фантазер! Помню, он общался с вымышленными героями, джиннами какими-то... Когда наш приют расформировали, если не ошибаюсь, Галима отправили в какой-то город у моря. Помню, даже подумала: пареньку с такой фантазией надо обязательно жить у воды, там из него получится хороший писатель».

Слушаю Мари, на глаза наворачиваются слезы, понимаю, как соскучилась по мальчику.

Нелли спрашивает о семье Галима. «Город С. маленький, тут все знают друг друга. Неужели нет информации о родителях?» Все, что я дальше услышала от Мари, кажется сном.

Отец Галима был кондитером, красавцем с арабскими корнями по имени Хан. Мать – Азиза – была портнихой, обшивала детей. О ней мало что известно, кроме того, что она безумно любила мужа. Галиму было три месяца, когда Хан ушел из семьи к другой.

«Он влюбился в приезжую певицу. Для Азизы измена мужа стала окончательным крахом плюс послеродовая депрессия. Она повесилась в день, когда Хан ушел из дома. Так Галим попал в наш приют. Никто из родни судьбой мальчика не поинтересовался. Отец уехал из города с певицей... Мужчины – подлецы».

* * *

Флора, ты не освободишься от того, от чего бежишь. Не повторяй моих ошибок – не позволяй, чтобы прошлое поселилось в доме незваным гостем. Пока будешь винить себя за совершенные поступки, они будут проявляться в твоём настоящем и терзать.

История Галима так похожа на историю, которую не могу себе простить. Ещё напишу.

Люблю,
Ани

31. Сил тебе, терпения и горячего сердца

Флора,

«Сил тебе, терпения и горячего сердца. Галиму привет». Мари протянула мне сухую белую ладонь, я пожала ее и поспешила на улицу. Выбежавшая вслед за мной Нелли что-то прокричала, но я не обернулась, хотела быстрее от всех уйти. Дошла до сквера, села на скамейку, расплакалась.

Девочка моя, я вдруг остро ощутила груз прошлого – все эти годы жила с ним и сейчас он вырвался наружу отчаянием и горечью. Значит, Галим, сам того не зная, пришел в мою жизнь, чтобы освободить от того, что мучило меня так много лет?!

– Ани, ты приехала сюда из другой страны?

– Да, малыш.

– Какая она?

– Разная. Там чаще холодно, чем тепло. Люди чаще в пальто, реже – в шортах. Нет моря.

– Я тоже приехал сюда из другого города, Ани.

– Знаю.

– Но я его не помню. Когда сильно-сильно хочу вспомнить, то в голове вижу не улицы и мосты, а кухню, где много кастрюль, сковородок. Там высокий месье в фартуке что-то готовит. Интересно, кто он... А город может стать человеком?

– Конечно. Когда кого-то сильно-сильно любишь, так и бывает. Думаешь о городе, а на самом деле – о любимых людях, которых там встретил. Так город превращается в человека.

– Ты же не уедешь, Ани? Мы с Каримом будем скучать, загрустим и заболеем. Я – ангиной, а Карим – краснухой. Как Жан-Батист и Луи, мои друзья из приюта.

– Галим, мне много лет, я тоже однажды могу заболеть. Жизнь, как страны, бывает разной. Но пока мое сердце бьется и ноги ходят, я буду с тобой.

– У тебя сильное сердце, Ани, и ноги, и руки. Вон сколько ты джемов наварила. Айва, слива, груша, брусника.

– Да, этим летом твоя бабушка превзошла себя. А какие баночки самые любимые у вас с Каримом?

– Я обожаю брусничный, а Карим – грушевый. Вчера, пока мы с тобой гуляли у моря, он слопал тайком еще одну банку. Обжора! Я его отругал.

– На здоровье! Малыш, джемы – для того, чтобы их ели, а не чтобы они скисали в погребе.

– Тсс! А то Карим услышит и съест остальные банки. Ему нельзя. Растолстеет и не сможет бегать со мной за чайками.

Так хочу, чтобы вы познакомились с Галимом. Еще напишу.

Люблю,

Ани

32. Быстрее бы домой, к «своим»

Флора,

мы возвращаемся домой. Соскучилась. После того как Бориса не стало, я, выходя утром из дома, оставляла свет в комнатах. Вечерами, возвращаясь с работы, смотрела на освещенные окна и улыбалась – мысль, что меня ждут, пусть и иллюзорная, помогала пережить потерю любимого.

Уезжая в С., я оставила в доме свет. Подъезжая (мы доберемся к ночи), я увижу огоньки своих окон и снова улыбнусь.

Но на этот раз свет не будет иллюзорным – дома ждут те, кто за эти годы стали моей второй семьей. Галим, Нелли, Неймет, Густав, продающий мою стряпню (ты бы слышала, какой у него роскошный баритон, как он поет «Magic moments»^[27] голосом Перри Комо), его дочь Луиза-Мария (по профессии биолог, но с недавних пор – театральная актриса; никогда не бойся менять и меняться, дорогая), почтальон Алэн (умудряется ездить на своем велосипеде даже в слякоть) и все, кто живет в моем сердце (их я привезла с собой). Я не чувствую себя одинокой, но мне не хватает Сары и тебя. Приезжайте скорее. Адрес на конверте. Правый берег, дом с большим окном, в котором горит свет.

Дорогу видно плохо. Дождя и ветра нет, но туман. За окнами машины бело, воздух застыл, густой, молочный. Нелли снизила скорость, сделала радио громче. Сквозь треск Бинг Кросби поет «Have yourself a Merry Little Christmas»^[28]. Его голос, как и он сам – что-то за гранью мира. «На протяжении многих лет мы все будем вместе... Если позволит судьба...»
Послушай!

Флора, ты веришь в судьбу? Я считаю, что многое зависит от нашего выбора, что надо уметь отвечать за поступки перед самим собой, а не сваливать ответственность на высшие силы. Но случается, что надо довериться жизни – она ведет нас лучшим путем, пусть мы не понимаем этого сразу. Сохранять спокойствие, отключить голос ожиданий и навязанных стереотипов, наблюдать и слушать мир...

Доверять жизни – особый вид мудрости.

Вспоминаю Густава, наши летние посиделки на заднем дворе его магазинчика. Он готовит кофе с ромом, выносит круглые плетеные табуреты, мы сидим под виноградной лозой, свисающей с крыши, и говорим, говорим, говорим, иногда отвлекаясь на звон дверного

колокольчика, – это приходят клиенты.

«Ани, я перестал жить в постоянном напряжении поиска ответов. На самом деле куда важнее вопросы, которые мы задаем – себе, миру. Если спрашиваешь, значит, ищешь, значит, тебе интересна жизнь. А ответы... у них есть свойство меняться. Хватит пытаться создать единственную картину мира».

Ох, быстрее бы домой. К «своим». Еще напишу.

Люблю,
Ани

33. Живи сердцем

Флора,

у нас зима. Прости, что давно нет писем. Не хочется ни писать, ни говорить. Гуляем с Галимом по заснеженной набережной, кормим бездомных собак, которые с наступлением холодов чаще приходят к домам, где горит свет. Второй день у нашего порога сидит собака с кудрявой бежевой шерстью. Когда она закрывает глаза и поджимает под себя лапы, то сливается со снегом. Галиму собака напомнила облако, поэтому мы назвали ее Нуаж^[29] и забрали домой. Купили бежевый коврик – теперь ее место у окна с видом на море.

Первые четыре дня Нуаж отсыпалась, будто вернулась с дальней дороги. Вставала только попить воды, поесть, раз в день на пару минут выбегала на улицу. Галим ложился рядом с Нуаж, напевал ей песни, услышанные нами в дыхании моря. Вчера была «Aline»^[30] Кристофа. «Я нарисовал на песке ее нежное лицо, которое мне улыбалось... А потом на этом пляже прошел дождь»^[31]. Нуаж, приоткрыв глаза, слушала малыша, облизывая его нос. Как хорошо, что Нуаж нашла свой дом рядом с нами. Дома спится лучше всего. Крепко, спокойно, как под материнским крылом.

Ох, мама... Флора, если ты можешь спародировать хлопки голубиных крыльев, до сих пор мечтаешь заглянуть за линию, где небо и земля соединяются, если рис у тебя всегда переварен – не удивляйся, это от твоей прабабушки.

Моя мама всю жизнь работала швеей, ее задорный смех помнили соседи всех домов, в которых мы когда-либо жили; она не изменяла вишневой помаде и прекрасно танцевала танго. «Это не танец, Ани, а мироощущение». Мама не была замужем, и я ни разу не почувствовала, что она об этом жалеет. «На том свете меня вряд ли спросят, сколько мужчин было в моей жизни. Но наверняка спросят, каким я была человеком и как людям жилось со мной. Пусть я буду жалеть, что чего-то не сделала, чем сокрушаться, что что-то попробовала».

Мама не стало, когда мне исполнился двадцать один. Она не проснулась утром. Рядом с ее кроватью, как всегда, лежал пакетик трюфелей с ликером в фисташковой обсыпке. Накануне ездили с ней на цветочную ферму за гортензиями (она и туда поехала на каблуках). С охапкой розовых и голубых цветов вскочили в трамвай.

На пересечении улиц Несгорающих Свечей и Пятой Параллельной мама сказала слова, которые я не забуду никогда. «Птичка моя, счастье – это момент совпадения с самим собой. Когда ничего не играешь, ничего не придумываешь, когда живешь сердцем. Особенный путь есть у каждого из нас. И каждый из нас особенный. Нет второй такой, как ты, Ани».

Спи спокойно, мама.

Люблю,
Ани

34. Твори, моя девочка, не бойся

Флора,

когда твой дедушка узнал, что я жду ребенка, он положил голову мне на живот и сказал: «Слышу, как кто-то там чавкает малиной». Я тогда объедалась ягодами – организм требовал. Франк так ждал нашего первенца, что каждую ночь, обнимая меня, он рассказывал, что это будет девочка и что мы назовем ее в честь актрисы Бернар. Так и случилось. Но вот на малину у Сары случилась аллергия.

Недавно в газете один драматург написал, что мы все изгнаны из рая – детства. Несусветная чушь! Как можно лишиться того, что навсегда живет в тебе? Девочка моя, взрослых на самом деле не существуют, мы все по-прежнему дети, просто ходим по миру в масках серьезных дяденек и тетенок, которые тепер и снять не можем – приросли. У меня ноги болят и лицо в морщинах, а я, признаюсь тебе, все еще мечтаю о волшебных приключениях: полетать на стрекозе, поболтать с муравьями и заморозить, как Снежная Королева, некоторые свои чувства.

Утром Галим спросил меня: «Ани, я обязательно должен верить в чудеса? Ну как все дети. У меня это получается не очень хорошо». За окном сыпал снег, как перья из подушки, настолько густой, что не было видно моря. На плите грелся суп «с историей». Мальчик плохо их ест, поэтому придумываю сопроводительные рассказы: например, если Галим съест шпинатный крем-суп, то в его организме станет больше белка, а это силы, значит, летом на море он сможет купаться дольше.

«Мальш, если ты веришь в чудеса, ты прав. Если ты не веришь в чудеса, ты снова прав. В любом случае – это твой выбор. Никогда не стесняйся его, но постарайся, чтобы в нем было больше добра».

Гулять сегодня не вышли, у Галима насморк, как бы не разболелся. В послеобеденное время перетащили из чердака на кухню баночки с джемом, которые вечером отвезу Густаву (и мы с ним непременно выпьем по чашечке кофе, обсудим проделки северного ветра, заледеневшие крыши города и предстоящий Праздник жареных каштанов; а еще споем что-нибудь из Генсбура, например, «La chanson de Prévert»^[32]). Галим (вместе с Каримом, конечно же) помогает перевязывать крышки банок коричневой бумагой и бечевкой. «Галим, а во что ты веришь, если не в чудеса?» Сосредоточенно отрезая кусочек веревки, с почти невозможной для его

возраста мудростью отвечает: «В усердие». Передаю малышу очередную баночку грушевого джема с мятой и изо всех сил пытаюсь продлить ускользящее ощущение радости.

Флора, люди мучаются поиском предназначения. Почему мучаются? А потому что думают, что рождены для огромного дела, которое никак не появится. На самом деле мы рождены для маленьких добрых дел, после которых приходим домой и сладко засыпаем (вот в чем причина бессонницы – недостаток добрых дел!). Улыбнуться встречному, сделать комплимент кассиру, уступить место в метро, накормить бездомную кошку... Твори, моя девочка, не бойся. Жизнь порой ветрена и морозна, но все равно очень тепла. Еще напишу.

Люблю,
Ани

35. Счастливые люди танцуют

Флора,

мне отказали в усыновлении Галима. Возраст, вдова, нет жилплощади и прочая бюрократическая чепуха. Директор разрешила и дальше навещать малыша, забирать к себе, но вечером приводить обратно. Я ей благодарна. Она и так позволяет непозволительное. Мне бы не нужно было никакое документальное подтверждение, если бы не страх, что Галима могут усыновить и увезти.

«Ребенок – гость в твоём доме. Накорми, воспитай и отпусти». Стараюсь чаще вспоминать эту мудрость. Но у меня не так много времени, Флора. Хочется больше быть с Галимом, заботиться о нём. Хочется на своём примере научить его (и ещё раз себя) хорошему: уважать и принимать человеческие слабости, хвалить себя за смелые решения и сопереживать себе в моменты падений (а не добивать сравнениями с другими), перестать пытаться все контролировать (обычно контроль рождается из бессилия), но при этом отстаивать свои границы и наконец позволить жизни о себе позаботиться.

В расстроенных чувствах я прибиралась дома, когда в дверь постучали. Нелли, что-то напевая, снимает на пороге шапку, и я впадаю в шок: подруга срезала длинные волосы, теперь у неё короткая стрижка и новый цвет – пепельный. «Представляешь, я пятьдесят лет прожила с косой, а сегодня проснулась и решила: пора меняться. Сходила в парикмахерскую и – прощай, целомудрие. Оттуда сразу к тебе, Неймет пока не в курсе. Собирайся, будем праздновать».

Надела горчичное платье, туфли из коричневого нубука, нанесла помаду, заколола волосы гребнем, и мы поехали в греческую таверну у Полосатой пристани. Там подают божественные мидии, фаршированные рисом и кедровыми орешками. И рецину в забавных бутылочках.

«Стрижет меня, значит, мальчишка по имени Кемаль, турок, такой задорный, услужливый. Руки золотые, но молодой ещё, опыта не хватает. Спрашивает, пока моет мне голову: “Нелли, во что вы верите?” Лет двадцать назад я бы ему ответила что-нибудь возвышенное. А сейчас сказала: “Кемаль, я верю, что килограммы, набранные после пятидесяти, скорее всего, останутся”. Чем больше давление жизни, тем ярче сатира, Ани».

Ох и вечерок выдался, Флора! Вернулись домой далеко за полночь. Счастливые, уставшие. Столько танцевали, что выпитое вино выветрилось. В какой-то момент даже пришлось снять туфли. Такое удивительное состояние: когда немолодое тело, одухотворенное звуками музыки, не напоминает о возрасте. Это был полет. Сложенные в покое крылья распахнулись, устремляя меня ввысь, к звездам. Я вернулась в свои двадцать, когда после занятий мы бежали на танцы. В нас было что-то неопишимо притягательное: свобода, чувство бесконечности, смелость в объятиях, открытое сердце... Много такого, что с годами, к сожалению, растеряли.

Счастливые люди танцуют. Еще напишу.

Люблю,
Ани

36. Хочу, чтобы мы всегда были вместе

Флора, доброе утро!

Перед нами банка моего яблочного джема. Янтарного оттенка, с запахом ранней осени и уютных мгновений. Вываливаю джем в пиалу, намазываю на подогретый хлеб. Протягиваю бутерброд Галиму, перед ним кружка чая и сваренное вкрутую яйцо. Он задумчиво смотрит в окно на море (снаружи по-прежнему сыплет снег). Сегодня на лице малыша вижу грусть. Ни о чем его не расспрашиваю, сажусь ближе.

– Моя мама была плохим человеком?

– С чего ты так решил?

– Она меня бросила.

– Галим, я не могу назвать твою маму плохим человеком. Ведь я с ней не знакома. Но у плохого человека вряд ли родился бы такой мальчик, как ты. Добрый, отважный, красивый.

– Она вернется за мной?

– Мне сложно ответить на этот вопрос. Жизнь непредсказуема, никто из нас не знает, что произойдет завтра, даже всезнайка Карим. Лучше не мучить себя вопросами, будет или не будет, придет или не придет, просто наслаждаться. Купаться в море, выгуливать Нуаж, есть печеную кукурузу, кататься на велике... Много всего разного и прекрасного есть в жизни.

– О, купаться в море! Ани, а мы летом будем нырять каждый день?

– Каждый день, обещаю.

– И Нуаж тоже с нами?

– Да!

– Ани, я хочу, чтобы мы всегда жили вместе. Ты, я, Карим, Нуаж.

– И я очень этого хочу. Пусть так и будет! Где-то там, над облаками, кто-то и тебя, и меня очень любит, раз помог нам встретиться. Если бы не ты, я бы не отважилась навести порядок на чердаке, меня он, признаюсь, пугал; я бы не завела собаку, не села бы на велосипед и не взобралась бы на абрикосовое дерево; я бы не научилась добавлять в яблочный джем карамелизованный сахар (помнишь, как ты повсюду искал вкус леденцов?). Если бы не ты, я бы не почувствовала себя бабушкой, ты же знаешь, как далеко от нас Сара с Флорой. Спасибо тебе, малыш.

– Это не мне, а Кариму. Это он обожает карамель, вчера даже искал ее в твоём курином супе.

– Значит, и ему спасибо за идею. Благодаря карамели яблочного джема у нас не осталось. В новом сезоне наварим больше. А на заработанные деньги поедem в путешествие на машине тети Нелли. К океану. Город называть пока не буду. Скажу только, что он на букву Б. И там есть волшебная статуя Богородицы, много лет защищающая рыбаков от шторма.

– Карим, ты слышал? Едем путешествовать!

– Ждем хорошей погоды! Соскучилась по океану, давно мы не виделись. Кстати, в город Б. ездил писатель Чехов, автор рассказа «Каштанка», который я недавно тебе читала, помнишь? Он писал, что в городе Б. самое интересное – океан. «Он шумит даже в очень тихую погоду». Ладно, все, дальше не буду рассказывать. Скоро сами все увидим.

Девочка моя, я так хочу, чтобы вы познакомились. Еще напишу.

Люблю,

Ани

37. Любить. И нет ничего лучше

Флора,

сегодня с самого утра меня одолевает стыд перед вами. Перечитала прошлые письма и заметила, как настоящее отдаляет меня от того, что было до моего приезда сюда. Понимаю, что река времени – бурлящая, спокойная, всегда разная – несется быстрее жизни, подхватывая людей со своих бесконечных берегов. Но я так боюсь растерять в потоке ценное...

Вдруг заскучала по городу своего прошлого. Позвонила Катрин, единственному человеку, с кем поддерживаю связь. Она жила на одной лестничной площадке со мной и Борисом. Ей почти восемьдесят, она до сих пор работает акушеркой в местной больнице. Давно зову Катрин в гости, но у нее роженицы, внуки и кулинарная школа, где она преподает. Женщина-сила.

Рассказала Катрин о своей тревоге. Она, как всегда, нашла нужные слова. «Ани, все движется, меняется, но внутри нас всегда есть неизменное. Все, кого ты любишь, с тобой навсегда».

Вроде бы буря утихла, ветра не слышно. Откладывая ручку, выхожу из кухни, иду к большому окну в комнате. Галим спит в кресле, закутавшись в плед, зажав в кулачке игрушечного солдатика в красном мундире. В ногах у него свернулась Нуаж – на звуки моих шагов наострила уши, но глаза не открыла. На улице все белым бело, моря снова не видно.

Задвигаю шторы и вспоминаю фрагмент из прошлой жизни. Стою перед окном нашей с Франком квартиры, жду мужа: вот-вот должен вернуться, принести к завтраку булочек с изюмом. Утро, мне двадцать шесть, я не надела тапочки, мерзнут ноги. На стене отрывной календарь – апрель. Под нашим окном – раскидистый куст сирени, уже весь в листьях, и появились темно-лиловые кисти. До полного цветения пять-шесть дней – предвкушаю. Сара только начала ходить в школу. Завтра, в воскресенье, у нас билеты на «Золушку» – дочь захотела надеть на спектакль свое голубое платье с белыми ласточками.

В переулке появляется Франк: коричневое пальто нараспашку, небритые щеки, идет быстрыми, широкими шагами. В руках – бумажный пакет. Замечает меня в окне, останавливается на секунду, улыбается, а потом забегает в подъезд. Иду наливать чай с мыслью, что всей душой

люблю этого человека и все, что с ним связано. Такое божественное и одновременно земное чувство – любить. И нет ничего лучше.

Флора, не существует общей, подходящей для всех философии жизни. Никто не знает, как и что лучше для тебя. Только ты сама можешь знать – через собственные успехи и ошибки. А если дела совсем плохи, приготовь булочки с изюмом, пригласи к столу доброго человека – и пусть вам будет вкусно.

Плохое обязательно заканчивается. Часто при жизни.

Рисую улыбочку и обнимаю. Еще напишу.

Люблю,

Ани

38. Человек жив, пока он мечтает

Флора,

сегодня всю первую половину дня я провела на кухне Густава. Она у него крошечная, но за счет окна до пола в ней много воздуха. Люстра с льняным абажуром, низко свисающая с высокого потолка, развешанные по стенам плошки, сковородки, дуршлаг, маленький деревянный стол и запах запеканки, ее готовили тут накануне.

Передо мной – миска с перцами, острыми и сладкими, красными и желтыми. Очищаю их от семечек, нарезаю мелкими кусочками. Надев синий фартук, Густав мелко нарубает имбирь с чесноком. На верхней полке шкафа тихо поет радио. Дэн Мартин и его уносящая вдаль «Non dimenticar»^[33].

«Знаешь, что нас с тобой объединяет, Ани? Мы – единоверцы. Это люди, которые задают себе схожие вопросы, прочли одни и те же книги, провалили одинаковые экзамены (многие из них потом пересдали) и обладают сходными предположениями. Мы с тобой, например, предполагаем, что все случайности предопределены волей мира; что мы еще раз обязательно встретимся, быть может, в других телах, под другими именами, но в любом случае узнаем друг друга. А два наших самых ярких различия – что я мужчина, а ты женщина и что ты умеешь готовить джем из перцев, а я нет. Ох, как же он звучит на бутерброде с вяленным мясом! Научи!»

Закидываю нарубленные ингредиенты в кастрюлю с толстым дном, засыпаю сахаром, поливаю лимонным соком, перемешиваю и начинаю варить на маленьком огне. «А чем, по-твоему, я занимаюсь, дорогой друг? Я просто делаю это, как дома – весело, напевая песни и пританцовывая! А ты чего ждал? Скучного урока? Это не про меня».

На кухню влетает Луиза-Мария. Она принесла стерилизованные банки, в которые разложим джем. «Пап, не будь занудой! Тетя Ани не профессиональный повар, она просто любит готовить – вкусно, красиво и необычно. Это ее магия. Так ведь?» Перемешиваю джем, соглашаюсь. Единственное мое заклинание на кухне Густава – «лишь бы не подгорело». Такое случается, когда готовлю не у себя.

Джем удался, девочка моя. Боялась, что вкус будет не тот, сейчас ведь на рынках перцы из теплиц.

«Ани, дожил я до семидесяти, много работал, два раза был женат, вырастил троих детей и вот недавно позволил себе вспомнить о мечте юности, на осуществление которой не было ни времени, ни возможностей. Поэтому я отложил ее до лучших времен и, чтобы уберечь от суровых реалий, спрятал на чердаке. В суете дней ее занесло пылью, хламом и, признаюсь, сомнениями. И вот нашел в себе смелость к ней вернуться.

В детстве я бредил белым фортепиано, на котором мечтал сыграть «Малагенью» кубинца Лекуона. Слышала эту песню? Потрясающе звучит именно на фортепиано. С трудом достал ноты. Инструмент заказал, привезут на неделе. Осталось найти педагога».

Густав уже рассказывал о своей семье, но о пианистах в роду вроде не упоминал. Откуда родом твоя мечта, друг? А друг тем временем открывает бутылку совињон блан, Луиза-Мария достает грюйер. На столе остывают банки с джемом, накрыла их одеялом, чтобы не теряли тепло быстро, иначе вкус испортится. На улице по-прежнему сыплет снег, но туман рассеялся.

«Нашей соседкой была пианистка с Кубы по имени Омара. Длинные волосы цвета черного винограда, нос-клюв, тонкие смуглые руки. Она бежала с родины из-за правящего режима и очень скучала по дому. Когда тоска Омара достигала пика (обычно это происходило в ветреные вечера), она играла «Малагенью». Сквозь окно наблюдал за дергающимся над пианино профилем. Казалось, что, играя, она плачет».

Флора, человек жив, пока он мечтает. Еще напишу.

Люблю,
Ани

39. Пусть от твоего взора не ускользает красота мира

Флора,

второй день солнечно – наслаждение. Зимнее солнце – как надежда в ненастье, когда кажется, что тучи уже не расступятся. Сначала сквозь темень появляются первые тусклые лучи, которые с каждой минутой становятся сильнее, расправляют плечи и побеждают серость.

Вчера с Галимом и Нуаж полдня прогуляли: пили горячий шоколад в Красных Шатрах, выбирали детские книги в букинистическом магазине месье Бенуа, смотрели на фокусников на площади Железной Воли и кормили птиц в парке Кипарисов. А сегодня утром пошли на рынок.

После недавней встречи у Густава решили расширить линейку моих овощных джемов. Они идеально подходят и к мясным блюдам, которые сейчас готовят чаще, чем в теплые месяцы. Нам предстояло выбрать сочную, но при этом не водянистую свеклу для джема. Окрас ее мякоти должен быть равномерным, без белых прожилок. На прилавке у свеклы уже не должно быть ботвы, что вытягивает из нее влагу, делает дряблой.

...На Галиме – синяя куртка в россыпи желтых звезд (подарок Луизы-Марии). Идет впереди, вдоль прилавков с плетеной сумкой в руках. Я сняла с него шапку, каштановые волосы переливаются на солнце. Смотрю на малыша и понимаю, что моя жизнь разделилась на две части: до встречи с ним и после. День первого свидания в приюте почти стерся из памяти, мы будто много жизней вместе, и то, что сейчас, – продолжение того прекрасного, что уже с нами было.

Нет ничего сильнее материнской молитвы. Мысленно я стою пред ликом Богородицы, Матери всех детей, и прошу нам доброй жизни. Чтобы хватало сил и объятий, чтобы испытания были не на жизнь, а на понимание, чтобы от взора не ускользала красота мира и в тысячу крат укрепляла бы желание жить.

...Остаток дня решили провести дома. Не стали откладывать дела на завтра, начали варить джем. По радио передавали песню, которую мы с Нелли обожаем. «Нас уносили по утрам навстречу солнцу и ветрам велосипеды»^[34]. Я мыла свеклу, обсушивала, Галим заворачивал в фольгу. Нуаж сидела у окна, облаивала пролетающих мимо чаек.

Около часа запекали свеклу в печи – так у джема появляется аромат дыма.

Галим просит меня рассказать о доме, где выросла, и я отправляюсь в приятное путешествие. «Мой дом детства начинается со двора, помню его в шапках снега, прямо как сегодня. Там тоже варили джем, но моря за окном не было. Дом был говорящим: звучал голосами моих любимых людей и их любимых песен».

Готовую очищенную и охлажденную свеклу измельчаю в пюре. Галим всыпает сахар с семенами ванили, вливает апельсиновый сок, кладет немного апельсиновой цедры. «Ани, а у тебя была собака?» Перемешиваю свекольную массу, добавляю пару ложек белого вина, ставлю вариться.

«Да, у нас жила собака по имени Иветт, она любила мамины бриоши и папины утренние газеты (разжевывала их, чертовка, обычно это сходило ей с рук). Скучаю по тем мгновениям... В какой бы точке мира ни была, ощущаю, как в моем сердце пульсирует то время... Доставайте банки, надо их помыть».

Флора, вас с мамой не хватает. Приезжайте скорее. Еще напишу.

Люблю,

Ани

40. Продолжай находить возможности для любви

Флора,

я так уверенно называю тебя Флорой, словно была на твоих крестинах. Мне почему-то представляется, что тебя зовут именно так. Если ошибаюсь, прости. Флора – мое любимое имя. В моем представлении те, кто его носят, – женщины обаятельные, благородные, сильные. Уверена, эти черты есть и в тебе. А если нет... Человек способен многое в себе воспитать.

Сегодня день рождения Бориса. Я включила пластинку Николь Круазиль, испекла его любимым сырno-шпинатный пирог, достала из чемодана альбом с нашими фотографиями, отыскала ту, где мы в Стамбуле, положила в сумочку и поехала в «Маргерит» на улице Протянутых Рук, там самые красивые платья в городе. На свой день рождения Борис всегда покупал мне платье. А я дарила ему письмо, в котором писала о нем, о нас.

Благословение небес, незаслуженная награда и светлое испытание – встретить такого мужчину, как Борис.

У Круазиль есть песня «Si l'on pouvait choisir sa vie»^[35], она стала «нашей». Впервые мы услышали ее в тот день, когда была сделана эта стамбульская фотография. На ее обратной стороне надпись: «4 июня 1977 года». Присели в кафе в одном из переулков района Пера, по телевизору показывали очаровательную Николь с белым шарфиком на шее. «Если бы можно было выбирать свою жизнь, я бы выбрала жизнь, которая у меня есть: со своими радостями и своими сожалениями».

Мы выходили из кафе, когда к нам подошел уличный фотограф. Он сделал эту фотографию, потом выслал ее почтой. Борис перекинул через плечо льняной пиджак, смотрит на меня, улыбается, а я, закрыв глаза, прижимаюсь к нему. На лицах у нас счастье, волосы треплет прохладный ветерок с Босфора. Ох, Стамбул!

«Я никогда не лгал тебе, Ани. Это важно. Это основа основ». Он сказал мне это, когда мы прощались (только в этой жизни, не более). В больнице, когда каждое слово давалось с трудом, метастазы в легких перекрывали дыхание. Я держала на своем лице его руку и благодарила за то счастье, которое он дарил мне в течение тридцати лет. Да, Флора, такое бывает. Если кто-то скажет обратное, ничего не объясняй, улыбнись.

Продолжай находить возможности для любви даже в те дни, когда сомнения перекрикивают веру.

Я не искала в мужчинах героев: даже самые смелые и добрые бывают эгоистичными и раздражительными. Училась видеть в них живых людей, а когда не получалось, вспоминала мамины наставления: «Ани, только спящие и мертвые не совершают ошибок».

Еще напишу.

Люблю,
Ани

41. Каждый видит жизнь со своего берега

Флора,

утром за мной заехала Нелли, и мы отправились на рынок. «Во вторник приезжают Мишель с Орели, я в раздумьях. Чем их кормить? Выручай! Они вегетарианцы». Мишель – младший сын Неймета и Нелли, Орели – его жена. Они живут в мегаполисе, владеют книжным издательством, много путешествуют.

«Не беспокойся, что-нибудь придумаем. Моя бабушка в холодные месяцы готовила суп, называла его “Зимнее солнце”. В нем специи, тыква и чечевица. Так что давай сразу к Каире, у нее лучшие крупы» Девочка моя, как приедете, я вас с ней познакомлю. Колоритная женщина, почти сказочный персонаж!

Каира выглядит ярко, необычно: подведенные сурьмой глаза, на голове – тюрбан с камнями, расписанные хной руки, платье в пестрых узорах. Она торгует редкими для наших краев специями, маслами, крупами. Между делом любит поболтать на тему отношений мужчин и женщин, постоянных клиентов угощает кофе и даже может спеть песню на каком-то восточном языке.

Оранжевая чечевица у Каиры, конечно же, была: лежала в центре лавки, манила аппетитным румянцем. «Девочки, чечевица чистейшая, перед готовкой можете не перебирать. Вам на суп, да?» Прошу взвесить полкило. Нелли любит Каирой, говорит, что та похожа на эльфа. Каира заливается смехом. «Для эльфа у меня слишком округлые ушки, взгляните. И вообще миры эльфов и людей – параллельные вселенные, они плохо сочетаются».

Спустя пару минут мы втроем пили кофе с кардамоном, болтая о женском. Каира считает, что мужчинам нужен особый вид понимания. «Девочки, мужчины, как и мы, женщины, ищут любовь. И, как и мы, ошибаются. Только у них нет той стойкости, что есть у нас. Разочаровываются сильнее, им больнее (хотя с виду кажется, что им все равно). И тогда они скатываются в агрессию либо в безволие. Только в наших силах дать им надежду».

Нелли допивает кофе, встает. Пора, нам еще нужно за тыквой. «Не знаю, Каира, мы все по-разному смотрим на мужчин, да и вообще на мир. Каждый видит жизнь со своего берега: у одного он чист и спокоен, у

другого – многолюден, замусорен, а у кого-то – ветрен, песком бросается, глаз не откроешь. Знаю одно: на этом пути надо чаще пританцовывать».

Уже дома решаю приготовить на обед «Зимнее солнце», заодно и Нелли научится. Обжариваю на оливковом масле лук с чесноком. Они слегка подрумянились, пора добавлять к ним нарезанную тонкой соломкой тыкву. Солю, перчу, тушу на среднем огне. Всыпаю чечевицу в кастрюлю с кипятком. Как только смягчается, вмешиваю в нее поджаренные овощи, листики тимьяна и немного куркумы для золотистого цвета. Варю еще минут десять – суп готов!

«Оказывается, у тебя не только джемы вкусные, подруга! Спасибо тебе. Может, летом на берегу откроем кафе? Надо обсудить эту идею с Нейметом».

Вы в пути, Флора?

Думаю о вас.

Люблю,

Ани

42. Надо преодолеть тяжелый отрезок, дальше – весна

Флора,

третий день не выхожу из дома. Чувствую себя заводной игрушкой, у которой ключ в спине сделал последний натужный оборот и замер. Нет сил даже посмотреть на море. Слабость погружает в состояние между сном и бредом, и я вижу вас.

...Вы с Сарой идете сквозь колючую пургу. Вокруг лес, ни единой души. Ты в белой куртке с капюшоном, мама во всем черном – пальто, сапоги, шапка. Бледная, озябшая, хромает. Ты взяла ее под руку, помогаешь идти. Подхожу к вам, снимаю куртку, пытаюсь набросить на плечи Саре, бесполезно: не видите, не слышите меня. Куда вы идете?

Ускоряю шаг, опережаю вас, чтобы посмотреть, куда ведет дорога. Над головой – свинцовое полотно, повисшее на высоких голых деревьях. Прислушиваюсь к звукам вокруг – только ветер и хруст снега под ногами. Оборачиваюсь: вас уже не видно за снежной пеленой. Темнеет. Мне не холодно, не чувствую бьющего по лицу снега – я здесь и не здесь одновременно. Нужно спешить: если впереди опасность, успею вас предупредить.

Метель утихает, воздух теплеет, под ногами чернеют проталины. Что происходит? На деревьях набухли почки, небо стало прозрачным, вышла полная луна. Оглядываюсь: в двадцати шагах позади все еще шумит буран. Дети, надо преодолеть тяжелый отрезок, дальше – весна.

Лес переходит в кустарник, кругом земля в скупых ростках зелени. Выхожу к широкому обрыву, передо мной огромная черная дыра – море. На противоположном берегу – дом, в котором горит свет. Перед ним трое, словно кого-то ждут. По очертаниям – женщина, ребенок и собака. Машу им рукой, но меня не видно.

...Просыпаюсь, у моей кровати Нелли с Галимом. Солнце заливает дом совсем весенним светом. «Сейчас точно ноябрь, Нелли?» – «Да. Твоя температура упала до нормальной. С чем и тебя, и нас поздравляю». Бабушке полегчало, Флора, не волнуйся.

Нуаж взбирается на постель, лижет мне руки. «Ты вовремя пришла в себя, подруга. Послезавтра приезжают Мишель с женой, одним чечевично-тыквенным супом не обойтись. Поправляйся, будем составлять меню».

Сон не выходит из головы. Я рада, что увидела вас хотя бы там. Флора, ты по-прежнему похожа на дедушку Франка: такая же волна в волосах и ямочка на подбородке.

Беспокоюсь за Сару, неважно выглядела. Береги маму. Между нами многолетняя разлука, принеся много боли. Столько всего упущено – наверстать не хватит ни времени, ни сил. Единственное, чего я сейчас хочу, – обнять дочь, попросить за все прощения.

Я на том отрезке пути, когда каждую встречу воспринимаешь как чудо; когда жизнь становится короче, а смерть – ближе. Еще напишу.

Люблю,
Ани

43. Проживай момент, впитывай его, благодари

Флора,

наготовили с Нелли на целый батальон. Почти все блюда вегетарианские. Только для Неймета и себя запекли курицу, начиненную смесью из молотых грецких орехов, красного лука и сушеного барбариса. «Случайности не случайны, Ани. Мишель сказал, что восхищен нашей стряпней, особенно котлетами из нута. Теперь точно можем открывать вегетарианское кафе. Тем более что Мишель с Орели переезжают к нам вроде надолго».

Оказывается, ребята уехали из мегаполиса еще четыре месяца назад. Последние месяцы жили в Мюнстере, который привлек их камерностью, минимумом автомобилей (там кольцевая велодорога по центру), наплывом студентов (возможность для преподавания) и красивой осенью (багряные деревья на фоне Мюнстерского дворца!). Со временем ребята заскучали по морю, устали от постоянных дождей и переехали в наши края.

Орели прекрасна! Веснушки по всему лицу, молочная кожа и умные зеленые глаза. «Она очень ранимая и в то же время сильная. Орели выросла без родителей, они отказались от нее. Поступила в университет и вернулась работать няней в приют, где выросла. Потом нашла отца. В хосписе. Забрала домой умирать, до последней минуты была рядом с ним... Орели для меня – пример того, как важно оставаться человеком в любой ситуации», – рассказывает Нелли и выкладывает на тарелки десерт – запеченную айву с медом и молотым фундуком (нам, не вегетарианцам, – еще и с ложечкой жирных сливок).

...Они дарят Галиму заводную игрушку – слоника в желтом костюме на трехколесном мопеде, который поднял к небу хобот, будто радуется летнему дождю. Застенчиво опустив глаза, малыш берет слоника, а потом, набравшись смелости, целует Мишеля и Орели и убегает. Спящая на коврике Нуаж срывается с места и бежит за ним. По телевизору показывают «Шербурские зонтики». Музыка Леграна, изумительная, узнаваемая – она лучшее в этом фильме.

Нелли вносит в комнату поднос с кофе и, подхватив мелодию, подпевает: «Я спрячу тебя, и я тебя схороню! Но, любовь моя, не покидай

меня!»^[36] Мишель берет чашечку, передает жене. Они красивы. Слушать их наслаждение, Флора. Люди со здоровыми приоритетами, открытые миру, они не боятся думать, выбирать, ошибаться и получать.

Мишель подсаживается к Неймету. «Мне было лет пять, когда родители купили проигрыватель. Помнишь, пап? Тяжеленный, с деревянной отделкой. Вместе с ним вы принесли пластинку. Одну. В первое время, пока не купили еще, мы с братом гоняли эту пластинку непрерывно. Помню, на бумажном конверте была фотография мужчины с микрофоном в руке. Азнавур».

Флора, ты видела «Звездную ночь над Роной» Ван Гога? Сегодняшний вечер ее напомнил. Ни ветерка, аквамаминоное небо со звездами, море переливается синим. Я вела Галима в приют (все еще не разрешают оставлять его на ночь), неподалеку светил маяк, свет фар проезжавшей позади нас машины позолотил снег под нашими ногами. Всем своим существом проживала этот счастливый момент, впитывала его и благодарила. Еще напишу.

Люблю,
Ани

44. Куда они летят? На юг!

Флора,

посреди зимы вдруг подул теплый ветер. Я ощутила мягкие прикосновения с запахом распустившихся чайных роз, вымытых окон и подсыхающего после стирки кашемирового свитера. А еще я услышала в ветре песню, забавную, с предвкушением летней беззаботности – «Itsy Bitsy petit bikini»^[37] Далиды. «Теперь ей нужно выбежать из тени, но она все еще боится нескромных взглядов». Если вдруг грустишь, включи ее, танцуй!

Девочка моя, какая у тебя любимая пора? В какое время года лучше слышишь себя? Я не очень радуюсь лету, хотя в нем и солнце, и пульс, и краски. Оно слишком быстрое, мимолетное, настоящий степной пожар; шаги, мысли, желания под стать сезону ускоряются, спешат и быстро сгорают. Не успеваю, да и не надо.

Мне ближе свежесть весны и учтивость осени.

...Орели снимает шарф, широкий, в красно-черную клетку. «Кажется, я не угадала с погодой. Думала, тут зима, а оказалось тепло». У нее на запястье татуировка – три летящие птицы. «Куда они летят?» Орели спускает рукав синего полупальто. «На юг».

Солнце заливает город. Мы с Галимом и Орели гуляем вдоль берега, вода сменила приглушенный цвет на яркий, снег подтаял, и проявились увязшие в коричневом песке ракушки.

Мы разговорились не сразу. Сначала шли в молчании, во взаимных смущенных улыбках. Нас сблизил Галим. Подбежал к нам, протянул руки, мы его подхватили, начали раскачивать. «Ани, так хочется стать для детей тем самым домом, в котором они всегда смогут получить любовь, даже когда им будет казаться, что они выросли».

Проходим мимо рыбацких домиков – там развешивают сети, дети бегают вокруг лодок, вслух читают их имена. Орели с Галимом бегут к невысокой смотровой вышке бирюзового цвета. Взбираются по лестнице – оттуда наверняка видны наш дом и сидящая возле окна Нуаж. Ей вчера нездоровилось: переела в гостях у Нелли, пусть отлежится.

Пятый год Мишель и Орели мечтают о ребенке, пока не получается. «Врачи не могут объяснить причину. Значит, сейчас не время. Значит, сейчас мы проживаем другой опыт... А вдруг мне не суждено стать

матерью? Это мой страх». Протягиваю рыжей красотке ракушки, которые успела собрать и согреть в руках, пока ребята были на вышке.

«Орели, лет тридцать назад у меня было похожее состояние. Тогда я кое-что уяснила: мы сами выбираем, куда двигаться – к любви или страху. Параллельно эти два пути не идут, но иногда пересекаются, получаются развилки. Именно на каждой из них важно быть максимально трезвым, чтобы, не приведи господи, не свернуть с дороги, ведущей к мечте».

Завтра буду готовить морковный джем. Флора, как вы там? Как мама себя чувствует? Еще напишу.

Люблю,
Ани

45. В эти счастливые дни очень не хватает тебя

Флора,

с Орели, Галимом и Нуаж готовим морковный джем. Остальная часть семейства бежит по городу, выбирая помещение под кафе, завтра к ним подключимся.

Я рада, что сблизилась с Орели. С ней словно домой приходишь.

Она рассказывает, как пять лет моталась по архивам, даже съездила в Петербург, чтобы восстановить семейное генеалогическое древо. «Оказалось, это как узелок: взялся за кончик – начинаешь распутывать клубок».

Из распахнутого окна обрывками доносятся голоса рыбаков, поющих о свободе, – в это время они обычно возвращаются к берегу.

«У меня слишком плотное представление о семье, как сказала мне однажды приятельница-психолог. Мол, это прекрасно, особенно сейчас, в век, когда устоявшиеся ценности теряют актуальность, и одновременно сложно, потому что семья – живой организм, в ней все разные; и женщине с таким трепетом к родственным узам нелегко быть в семье, создавать в ней новое и одновременно сохранять традиции».

Вынимаю из фольги запеченную морковь, раскладываю на подоконнике, чтобы быстрее остыла. Чуть позже очищу от кожицы, пропущу через мясорубку. «Плотные представления о семье. Звучит серьезно. Как это?» Орели смеется, делает грозную мину, вздыхает половник, которым мешала сироп из сахара и специй (в нем проварим морковное пюре):

«Мужчин, которые в меня влюбляются, я превращаю в пятнистых жаб, детей – в писклявых кукол, а родню под угрозой чесотки заставляю собирать жемчуг со дна холодного океана... А если серьезно, семья не терпит равнодушия и эгоизма, отсутствия громких споров и альбомов с размытыми фотографиями, пренебрежения застольями и беспричинными объятиями. Хорошо, когда семья – источник душевного комфорта, а не раздражения и недосказанности».

Галим приносит мешочки со специями. Один из них, с палочками корицы, в зубах у Нуаж. Любимая помощница чувствует себя гораздо лучше.

«Ох, Ори, перекормить бы твоего психолога кислыми леденцами до изжоги! Никакой плотности в твоём отношении я не вижу. Разве что в нашем джеме, но и в этом нет ничего страшного, добавим меньше агара-агара».

* * *

– Утром я получила от него букет пионов с запиской: «Оставайся со мной навсегда». С того дня мы живём вместе уже шестой год, и ни одной ночи не засыпали друг без друга. Серьёзно. Это не сказка об идеальных отношениях, это история о выборе, сделанном в пользу любви, а ещё о том, что мы работаем, отдыхаем и не отдыхаем вместе.

– Прости, а как тебе жилось до встречи с Мишелем? Ты чувствовала приближение встречи?

– По-разному жилось, Ани. И хорошо, и не очень. Но с юных лет я ощущала некое отсутствие. Не пустоту, не недостаток, а именно отсутствие. Не гнетущее, не болезненное... Как любимый дом без зеркала, в которое можно посмотреть и увидеть себя настоящую, без всего наносного.

– Понимаю, о чём ты, Ори.

– Я выросла и понимала, что узнать себя можно только через людей. Мы и есть зеркала друг для друга... Я не чувствовала, а именно знала, что встречу такого человека. В меня будто вшили преобразователь с верой, активизирующийся в отчаянные моменты жизни.

– Всем бы женщинам такой датчик!

Флора, в эти счастливые дни очень не хватает вас. Но есть мысли и строки – в них мы вместе. Ещё напишу.

Люблю,
Ани

46. Хочется остаться тут навсегда

Флора,

я сжата овальными стенами длинного полутемного туннеля, тускло освещенного желтым светом подвесных ламп. Со всех сторон стекают капли влаги. Под ногами – мокрая галька, с обеих сторон – деревянные двери с тяжелыми ручками. Что за ними и кто?

Всматриваюсь вдаль: там продолжение туннеля и десятки дверей. Тревожно, будто за ними меня ждут. Отпираю первую дверь – из темноты вылетает ворон и, истошно каркая, улетает. Толкаю следующую – снова черная дыра и беспокойная птица.

Ускоряю шаг, открываю дверь за дверью, по туннелю носится уже стая ворон, и вдруг, где-то на середине видимого отрезка, слышу женские голоса, то ли сверху, то ли снизу, то ли из-за еще не открытых мною дверей. Узнаю: это Сара и ты, Флора. Девочки, где вы? Что с вами?

Еще быстрее распахиваю двери, птицы налетают на меня, ваши голоса приближаются, я уже бегу по туннелю и... упираюсь в стену. Тупик с деревянной дверью по центру. Дергаю ручку. Из-за открывшейся двери на меня выливается белый свет. Голосов больше не слышно. Зажмуриваюсь, пока глаза не привыкли к свету.

Я в белой комнате, в одном из ее углов – засохший ствол дерева, обросший брусникой, сразу узнаю ее, хоть на ней и нет плодов. Подхожу ближе, в зарослях – два белоснежных голубя. Красивые, умиротворенные, меня не боятся. Опускаюсь на колени, протягиваю им ладони, хочу взять их в руки. Свет согревает, мне тепло, хочется остаться тут. Дверь позади меня захлопывается.

...Просыпаюсь от того, что горло сдавило волнением. К моей щеке мягкой ладонью прикасается солнце. Протираю глаза и вижу, как на тумбочке расцвел лимон, на деревце три плода; от них – свежий аромат.

Что значат белые голуби в брусничных ветвях?..

Нуаж потягивается в кресле и вскакивает, едва завидев слетающих к окну чаек. Птицы пожаловали за завтраком: покупаю у рыбаков мелкую рыбешку, замораживаю порциями и кормлю этих болтушек. В благодарность, или следуя не известному мне инстинкту, они приносят в клювах изысканные морские творения, складывают на внешней стороне оконной рамы.

Смотрю на море, записываю цвет, настроение. После минувших снегопадов вода на поверхности побелела. Слышу «Tombe la neige»^[38] Сальваторе Адамо. «Снег все кружится, а тебя все нет и нет... Снег все кружится, все мрачнее белый цвет»^[39]. Незабываемая песня об ушедшем времени.

Флора, вплоть до минуты, когда пишу это письмо, меня не покидает предчувствие, что кто-то постучит во входную дверь. Не хочу ее запирать. Так и сделаю!

Жду, люблю,
Ани

47. Это наша счастливая жизнь

Флора,

по субботам в приют, где живет Галим, приходят пары, желающие усыновить ребенка. Они знакомятся с детьми, вместе читают книги, играют в настольные игры, лепят и поют. Поэтому по субботам до пяти вечера мне не разрешали забирать Галима. «Нельзя лишать мальчика шанса встретить новых родителей», – сказала директор.

Вчера, в воскресенье утром, когда мы с Нелли пришли за малышом, нас попросили пройти к директору. Она рассказала, что Галим стал агрессивным по отношению к взрослым, желающим с ним познакомиться. Отворачивается, бросается игрушками, прячется в туалете.

На вопрос, почему он так поступает, Галим ответил: «У меня есть семья, и они за мной придут. Я не хочу быть тут. Я хочу в дом Ани, там мы с Каримом слушаем музыку моря, бегаем вокруг перевернутых лодок и обедаем брусничным джемом».

В конце встречи директор сказала то, что я больше всего боялась услышать. «С понедельника вынуждена запретить забирать мальчика. Но вы можете его навещать. Это и моя ошибка – я проявила сентиментальность и разрешила Галиму покидать интернат. Теперь с ним будет работать психолог».

Не помню, как вышла из интерната, как села в машину к Нелли. У меня повысилось давление, я потеряла сознание. Очнулась в больнице. Рядом были Нелли с Орели. Я вспомнила разговор с директором, расплакалась. Мне нужно как можно быстрее забрать Галима оттуда, Нелли! Придумай что-нибудь, умоляю, Нелли! Я не могла сдержать эмоций. Стыдно. Но и сейчас, когда пишу это письмо из больницы, дорогая Флора, я не могу успокоиться.

Там, дома, так много всего, что связано с моим мальчиком. Недочитанная «Синяя борода», деревянная ложка, которой он любит есть картофельное пюре, подушка на кресле с запахом его волос, наши фотографии.

Я в отчаянии, Флора.

* * *

- Малыш, помнишь нашу первую встречу?
- Да, мы ели миндаль, вкусный. А Кариму не понравился.
- Ну, это неудивительно! Карим у нас специалист по поеданию брусничного джема. Вчера на чердаке обнаружила еще две пустые банки, тайком слопал.
- И с нами не поделился!
- Ха-ха, ничего страшного, на здоровье! Может, Карим простудился на море или у него недостаток витаминов? Если позволит жизнь, следующей осенью приготовим на двадцать банок больше.
- Ани, а мы сами поедим собирать ягоды?
- Я стара для этого, Галим. Чтобы собрать бруснику, люди едут в леса, много часов проводят в сырости, среди комаров.
- Не называй себя старой!
- Почему?
- Старые быстро умирают. Ты будешь жить долго.
- Конечно, очень постараюсь, но не обещаю. Галим, все мы рано или поздно уйдем за облака, так устроен мир. От этого может быть грустно. Но люди, которые сильно-сильно любят друг друга, становятся одним целым и уже не расстаются. Как море с берегом...
- И как мы с тобой.
- Да, малыш.
- Ани, когда ты уйдешь, я могу тоже вместе с тобой?
- Нет, любимый. У тебя еще здесь много дел. Например, научиться собирать бруснику и варить джемы.
- Ты мне будешь оттуда помогать?
- Всегда, малыш. Вот это я тебе точно обещаю.

48. Ты та, кто идет к мечте через страхи

Флора,

я второй день в больнице. Врачи не спешат выписывать: по-прежнему скачет давление, высокий сахар, нарушен сердечный ритм. Слабость, с трудом передвигаюсь по палате. Скучаю по дому, очень хочу туда, но физически не могу. Спасибо Нелли, сейчас она живет у меня, присматривает за домом, Нуаж, чайками.

Схожу с ума от круговорота мыслей. Надо как можно быстрее забрать Галима из приюта. Только как? Прав на усыновление у меня нет, Неймету и Нелли тоже отказали из-за возраста. Как быть?..

В палате одно окно выходит на стройку. Усилился снег. Ночью он накрывает уродливую яму белоснежным покрывалом, но с наступлением утра люди и бульдозеры его сбрасывают, продолжают копать в коричневой жиже.

В вечернюю смену за мной присматривает медсестра по имени Белла. Она родом из города на севере России. Милая пышка, добрые голубые глаза-пуговицы, розовая помада.

Во время процедур Белла напевает русские песни. Прошу их перевести. Она быстро это делает. Оказывается, в свободное время медсестра переводит русские сказки на французский язык.

Сегодня Белла пела песню русской певицы по имени Алла. Фамилию я забыла, но трогательные слова записать успела:

«Судьба, прошу, не пожалей добра, / Терпима будь, а значит, будь добра. / Храни меня и под своей рукою / Дай счастья мне, а значит, дай покоя»^[40].

Верю в знаки. После услышанных стихов еще сильнее верится в то, что жизнь не покинет меня в этом испытании.

* * *

- Ани, сделать тебе чаю?
- А ты помнишь, какой я люблю?
- С замороженной брусникой. Правда, не дотянусь до морозилки, но можно встать на стул.

– Давай помогу. Боюсь, упадешь.

– Не надо, Ани. Хочу перестать бояться. Вот у Карима получается, он больше не боится ни засыпать в темноте, ни пить воду из горлышка стеклянной бутылки, ни месье Корнишона из Темного Дома (тот съедает всю мертвую рыбу на берегу).

– Галим, храбрый человек – не тот, кто освободился от страхов. Таких не бывает. Храбрый тот, кто идет к мечте через страхи. Ты боишься, но все равно приходишь к ночной воде, сначала, зажмурившись, мочишь ноги. Но потом, через день или два, а может, через две зимы, ты возвращаешься к берегу, чтобы нырнуть в ночное море...

– Ура! Значит, я тоже храбрый?

– Ты живой. Это главное. Все остальное придет или... не придет. Но об этом не стоит тревожиться. Лучше пойдем пить чай. Я напекла абрикосового печенья.

49. Даже если счастье о тебе забыло, ты о нем не забывай

Флора,

у меня две хорошие новости. Завтра меня выписывают. Как только буду дома, первым делом включу музыку (м-м-м, скорее всего, «People»^[41] Стрейзанд), начисто протру окна (море за ними станет еще прозрачнее), встряхну лежащие на кресле подушки и плед, проведу банки джема на чердаке, подсушу в печи миндаль, заварю чай с корицей и начну готовить ужин.

Соберу за столом близких людей, накормлю их вкусным (думаю о запеченном сибасе с изюмом и орехами, картофельных котлетах с грибным соусом и грушевом флонярде). Мы будем вспоминать, обсуждать, смеяться, сожалеть и, конечно же, петь. За окном взойдет луна, море стихнет, зажгутся маяки, под столом засопят собаки, а мы, завернувшись в пледы, заговорим тихо, неспешно.

Девочка моя, близкие – это свет, рассеивающий самую густую тьму.

С нами за столом обязательно будет Галим, твердо в это верю.

Прошу Бога продлить мою жизнь, чтобы побыть с вами как можно дольше. Чтобы заботиться о вас, петь с вами песни, варить джемы, идти босиком по июльскому песку и купаться в ночном море. Чтобы слышать ваш смех, ощущать ваши запахи и любить еще сильнее, чем вчера...

Теперь вторая новость. Днем приходила Нелли и сообщила, что в ближайшее время мы сможем окончательно забрать Галима из приюта. Подробностей рассказать не успела, заглянул врач на осмотр. «Дождись утра, подруга. В девять заеду, по дороге домой объясню. А пока перестань изводить себя, высыпайся... До встречи!»

Флора, где вы? Как вы? Надеюсь, что вы недалеко и совсем скоро мы сможем обнять друг друга. Доброй дороги.

* * *

– Ани, что такое счастье? Вы, взрослые, часто о нем говорите. Счастье – это когда мне хорошо?

– Да, малыш. И ты толком не можешь объяснить почему... На самом деле уметь ощущать счастье – это и есть счастье. Знаешь, сколько людей ходит по земле, не зная, что они счастливы? У них есть многое, а они все равно недовольны и ждут дня, когда станут счастливыми.

– Хм, они что, слепые?

– Физически, быть может, и нет, но сердцем – да. Жизнь бывает разная. В ней немало горечи и боли, но поводов для того, чтобы быть счастливым, все равно больше. У меня есть любимый поэт по имени Жак Превер, он как-то сказал: «Даже если счастье ненадолго о тебе забыло, сам никогда не забывай о нем». Вот я тебе немного объяснила. Теперь скажи, когда ты бываешь счастливым?

– Когда слышу море или когда вы с Нелли по утрам приезжаете. Я вижу вас через окно и бегу одеваться. В такие моменты я счастлив и мне немного грустно.

– Почему, Галим?

– Потому что никто не приезжает за Кристофом и Филиппом, моими друзьями. Кристоф лучше всех рисует море, но за ним никто не приходит. А ты бы видела, как Филипп жонглирует апельсинами! Он мечтает выступать в цирке... Я хочу, чтобы и у них был дом.

– Мы им обязательно поможем, даю слово. В субботу придем с Нелли, и ты нас познакомишь, договорились?

– Договорились. Ани. А еще у меня есть вопрос.

– Слушаю, малыш.

– Можно я буду называть тебя бабушкой?

– Конечно.

50. Посылаю воздушные поцелуи всем, кого люблю

Спустя месяц

Флора,

на настенном календаре – 31 декабря. Сегодня утром посмотрела на эту дату и улыбнулась – всему, что случилось и не случилось в уходящем году. Хотя я давно уже не меряю время блоками по двенадцать месяцев – оно слилось в единое полотно разных оттенков, которые я научилась любить.

Обычно в последний день года подводят итоги. Для меня итогов не существует так же, как решений, время которых должно наступить в понедельник или первого января. Каждая новая минута – возможность для изменения.

Девочка моя, по предыдущим письмам ты, наверное, поняла, что твоя бабушка всегда смотрела в лицо жизни, не уклонялась от испытаний. Наоборот, доставала сковороду (Нелли ее называет «оружием свободы») и отбивалась. А когда ноги отказывались идти к мечте, я ложилась в ее направлении и ждала возвращения сил. Вот такая неугомонная особа.

Ну что за унылое письмо в праздничный день? На самом деле я с самого утра колдую на кухне. Первым делом побаловала себя вкусным завтраком: овсянка, накрытая шапкой из карамелизированной груши (сливочное масло, тростниковый сахар, немного лимонного сока и воды – вуаля, готово!), и тосты с мягким сыром и кусочками слабосоленой форели. Правда, тосты так и не съела – Нуаж перехватила, пока я прислушивалась к музыке моря. Сегодня услышала в ней «Oogum Boogum Song» Брентона Вуда.

Специально для Галима готовлю пирог с брусничным джемом, для Мишеля и Орели – свекольный салат с черносливом в имбирном соусе, а для всех остальных – запеканку из лосося и тыквы, рис с пряными овощами. Ох, дел сегодня предостаточно. Попросила всех оставить меня в тишине, чтобы ничто не отвлекало от процесса.

Нуаж погуляла, слопала свой корм с моими тостами, и у нее вот-вот начнется дневной сон.

Начинаю с пирога для Галима. Тесто дрожжевое. Ну и обрадуется мой

мальчик! И для него, и для нас выдался счастливый год – мы нашли друг друга. Мишель и Орели усыновили Галима, теперь у него большая семья.

Флора, жизнь не перестает меня удивлять. Я пою вместе с ней песни, пританцовываю под любимые мелодии и посылаю воздушные поцелуи всем, кого люблю.

С нетерпением жду вас. Девочки, этот год не должен завершиться без вашего приезда.

...Пока пирог остывает, лосось маринуется, а овощи запекаются, позволю-ка себе вздремнуть полчасика. Только прилегла на диван, накрылась пледом, как услышала скрип входной двери (по-прежнему ее не закрываю). Неужели Густав привез гирлянды для елки? Может, ветер поднялся? Поворачиваюсь и вижу тебя, Флора. Стоишь на пороге, на темных бровях и ресницах – снежинки, улыбаешься и одновременно плачешь. Я сплю?..

Эпилог

Здравствуй, дорогой читатель!

Меня зовут Ани. Вчера мне исполнилось тридцать восемь. Я жена прекрасного мужчины, мама двух дочерей – Флоры и Сильви, владелица марки «Джемы бабушки Ани». Да, все верно, я внучка Ани Демустье, женщины, с которой вы уже познакомились. Мама назвала меня в ее честь. Я тоже, как бабушка, готовлю джемы, люблю море и все еще учусь любить жизнь. Ох, думается мне, что это процесс, не имеющий, к счастью или сожалению, окончательного результата.

Сегодня, перечитывая бабушкины письма (забавно, что она в них называла меня Флорой), я еще раз убедилась в том, что как важно освободиться от убеждений, ведущих к грусти. Так много людей, которые проносят боль через отмеренное им время – мучаются чувством вины, не позволяя себе быть счастливыми.

К сожалению, мама с бабушкой так и не встретились. Когда мне было двадцать два, мама ушла из жизни – тяжелая болезнь крови. За два дня до смерти она попросила меня отыскать бабушку Ани, о которой ей почти ничего не было известно. Дала адрес дома, где Ани жила с Борисом, и сказала, что соседи наверняка что-то знают. Так я познакомилась с дочерью Катрин, женщины, которая поддерживала связь с Ани. Катрин знала только название города, куда уехала бабушка, ничего больше. На следующий же день, несмотря на снегопад и предпраздничную суету, я поехала.

Остановилась в местном пансионе. Гуляя по ближайшим улицам, заглянула в лавку, где продавали продукты местных фермеров. На полке увидела баночки с брусничным джемом (мама рассказывала, что бабушка варила потрясающие джемы из брусники): в этих краях такие десерты не особо популярны, и я сразу поняла, кто приложил к ним руку. Разговорилась с Густавом, владельцем магазинчика, он дал адрес дома на берегу моря...

Я так и не вернулась туда, откуда приехала. Прожила с Ани два счастливых года. Мы не могли наговориться. Она передала мне письма, которые столько лет писала, научила варить джемы. Мы будто всю жизнь знали друг друга. Моя любимая женщина...

Сейчас мы с братом Галимом (он помогает мне и одновременно учится в ветеринарной академии) продолжаем дело Ани. Джемы по ее рецептам

стали популярны во всем мире благодаря нашему интернет-магазину. Часть заработанных денег перечисляем в общество помощи детям-сиротам.

Чувствую, что бабушка с нами. Следит за качеством джемов и, если мы вдруг переборщили с каким-то ингредиентом, обязательно дает знать...

Перед смертью Ани сказала мне: «Девочка моя, делай то, во что искренне веришь, и только то, что не причинит другим зла. Бог там, где понимают и чувствуют». Она покинула мир с улыбкой.

Ани удалось прожить жизнь с мужеством. Хотя много лет она мучилась виной перед собой, дочерью и мной... Жаль, что было упущено много времени, но жизнь не следует идеальному сценарию.

Именно поэтому я приняла решение опубликовать письма. Если хотя бы двое из прочитавших станут счастливее и найдут ответ хотя бы на один вопрос, значит, все не зря. Получилась история о сильной женщине, которая старается быть счастливой и честной перед собой; история о том, что человек свободен и может уйти в любой момент, и именно это укрепляет его желание остаться.

Это история о выборе собственного пути, об ошибках и их последствиях. О жизни как она есть.

Незадолго до расставания бабушка подарила мне открытку с изображением брусники. На обороте было написано:

«Есть такое счастье: ты и твоя жизнь. Это не повторится.

Люблю,

Ани».

Музыка, прозвучавшая в этой истории

1. Quand on sera deux – Joe Dassin
2. Paris sera toujours Paris – Maurice Chevalier
3. Petite fleur – Danielle Darrieux
4. Madeleine – *Jacques Brel*
5. La danse des canards – J. J. Lionel
6. Ca s'en va et ça revient – Claude Francois
7. Paris en colère – Mireille Mathieu
8. Believe – Elton John
9. La Foule – Edith Piaf
10. La Vie En Rose – Edith Piaf
11. Mon Dieu – Edith Piaf
12. Padam, padam – Edith Piaf
13. Magic moments – Perry Como
14. Have yourself a Merry Little Christmas – *Bing Crosby*
15. Aline – Christophe
16. Non dimenticar – Dean Martin
17. La Bicyclette – Yves Montand
18. Si l'on pouvait choisir sa vie – Nicole Croisille
19. Devant le Garage – Danielle Licari & Jose Bartel
20. Itsy Bitsy petit bikini – Dalida
21. Tombe la neige – Salvatore Adamo
22. The Oogum Boogum Song – Brenton Wood
23. People – Barbra Streisand
24. «Женщина, которая поет» – Алла Пугачева

notes

Примечания

1

За жизнь! (*ит.*)

2

Перевод Л. Баландиной.

3

«Когда мы будем вдвоем» (фр.).

4

Из стихотворения Назыма Хикмета (перевод Б. Слуцкого).

5

Французские пончики.

6

Фрагмент из песни «Paris sera toujours Paris» («Париж всегда останется Парижем»), перевод В. Антушева. Автор слов Альберт Виллиметс.

7

«Маленький цветок» (фр.).

8

Французский национальный праздник, отмечается 14 июля.

9

Перевод И. Олехова.

10

Перевод Л. Мартынова.

«Мадлен» (фр.). Автор стихов Жак Брель.

12

Перевод О. Середохина.

13

Перевод М. Ахмедовой-Колубакиной.

Фрагмент популярной детской песни «La danse des canards» («Танец маленьких утят», *фр.*), переведенной на многие языки мира и исполнявшейся в разных странах. Автор – Вернер Томас.

«Она приходит и уходит» (*фр.*). Авторы стихов: Жан-Пьер Буртер, Никола Скорски.

Это по-настоящему полезно, потому что красиво (*фр.*). Из повести «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери (перевод Н. Галь).

«ЖИТЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ» (фр.).

Слова из песни «Paris en colère» («Париж гневается»), исполнявшейся Мирей Матье. Авторы стихов: Морис Жарр, Морис Ведалин.

19

Слова из песни «Believe» («Верую», *англ.*). Авторы стихов: Эрн
Гаулин, Элтон Джон.

Строки из стихотворения «Adieu tristesse» («Прощай, печаль») Поля Элюара (перевод с французского М. Ваксмахера).

Строки из стихотворения «Et un sourire» («И улыбка») Поля Элюара
(перевод с французского М. Ваксмахера).

«Жизнь в розовом цвете» (фр.).

«Толпа» (фр.). Автор стихов Эдит Пиаф.

«Мой Бог» (фр.). Авторы стихов: Мишель Вокер, Шарль Дюмонт, Ян Даллес.

Перевод с французского И. Олехова. Авторы стихов: Энди А. Конте,
Норбер Гланцберг.

Со смертью все не кончается (*лат.*).

«Волшебные мгновения» (*англ.*). Автор стихов Хэл Дэвид.

«Устрой себе Маленькое Рождество» (*англ.*). Авторы стихов: Хью Мартин, Ральф Блейн.

29

Облако (фр.).

«Алина» (фр.) Автор стихов Д. Кристо.

Автор стихов Даниел Дж. Жак Бевилаква.

«Песня Превера» (фр.).

«Не забывай» (*итал.*).

Фрагмент из песни «La Bicyclette» («Велосипед», *фр.*) В исполнении Ива Монтана, перевод Т. Лурье. Автор стихов Жак Тревер.

«Если бы можно было выбирать свою жизнь» (*фр.*). Авторы стихов:
Дж. Деморни, Х. Джиан.

Слова из песни «Devant le garage» («Возле гаража», *фр.*), впервые прозвучавшей в фильме «Шербурские зонтики». Перевод – Н. Тэн. Авторы стихов: Жан Луи Р. М. Дэми, Мишель Легран.

«Итси-Битси маленькое бикини» (фр.). Авторы стихов: Ли Покрис, Люсьен Морис.

«Снег все кружится» (фр.). Авторы стихов: Джозеф Э. Дю Бёк, Оскар Сайнтал.

Перевод И. Олехова.

Фрагмент из песни Аллы Пугачевой «Женщина, которая поет». Автор текста – К. Кулиев (перевод с балкарского Н. Гребнева).

41

Люди (*англ.*).

Table of Contents

Эльчин Сафарли Дом, в котором горит свет

1. Вспомни о том, как она прекрасна, жизнь

2. У нас с тобой единые маяки

3. Выйди из клетки надуманных страхов

4. Продолжай делать то, во что вкладываешь любовь

5. Где много любви, там много ошибок

6. Когда любишь, ты в ладонях Бога

7. Хочу быть к тебе ближе

8. У тебя достаточно мужества, чтобы начать сначала

9. И сделать мир хотя бы чуточку лучше

10. Жизнь открывает ладони, показывает сокровища

11. Слушай сердце, в нем карты главных маршрутов

12. Пусть свет в твоих глазах не угасает

13. Немного солнечного мая – и, тоненький бисквит ломая, тончайших
пальцев белизна

14. Твоя мечта обязательно сбудется

15. Плыви из привычной гавани к новым берегам

16. Не бойся, ты не одна

17. Я вся – как запущенный сад

18. Счастья и мира тебе в новом доме

19. У моря всегда хорошо

20. Нет такой любви, которая не стала бы помощью

21. Мы тут, мы живем, чувствуем. И это главное

22. Как бы я хотела, чтобы ты был с нами

23. Позволь людям быть собой, а не тобой

24. Для счастья не нужно спешить, обгонять, отвоевывать

25. Я смогла выстоять, пусть и на одной ноге

26. Я любила всем сердцем, без оглядки, почти на грани

27. Найти счастье в себе – вот в чем задача

28. Все, от чего мы страдаем, исчезает в объятиях любящих людей

29. Тебе не холодно?

30. Надо жить у моря

31. Сил тебе, терпения и горячего сердца

32. Быстрее бы домой, к «своим»

33. Живи сердцем

- [34. Твори, моя девочка, не бойся](#)
- [35. Счастливые люди танцуют](#)
- [36. Хочу, чтобы мы всегда были вместе](#)
- [37. Любить. И нет ничего лучше](#)
- [38. Человек жив, пока он мечтает](#)
- [39. Пусть от твоего взора не ускользает красота мира](#)
- [40. Продолжай находить возможности для любви](#)
- [41. Каждый видит жизнь со своего берега](#)
- [42. Надо преодолеть тяжелый отрезок, дальше – весна](#)
- [43. Проживай момент, впитывай его, благодари](#)
- [44. Куда они летят? На юг!](#)
- [45. В эти счастливые дни очень не хватает тебя](#)
- [46. Хочется остаться тут навсегда](#)
- [47. Это наша счастливая жизнь](#)
- [48. Ты та, кто идет к мечте через страхи](#)
- [49. Даже если счастье о тебе забыло, ты о нем не забывай](#)
- [50. Посылаю воздушные поцелуи всем, кого люблю](#)

[Эпилог](#)

[Музыка, прозвучавшая в этой истории](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)
[21](#)
[22](#)
[23](#)
[24](#)
[25](#)
[26](#)
[27](#)
[28](#)
[29](#)
[30](#)
[31](#)
[32](#)
[33](#)
[34](#)
[35](#)
[36](#)
[37](#)
[38](#)
[39](#)
[40](#)
[41](#)